

Александр Иванович Молок

Революционные выступления в окрестностях и пригородах Парижа в дни июньского восстания 1848 г.

Французский ежегодник 1963

М.: Наука. 1964. С.90-119

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Вопрос о сочувственных откликах трудящегося населения окрестностей и пригородов Парижа, а также некоторых провинциальных городов на восстание пролетариата французской столицы 23—26 июня 1848 г. до сих пор не подвергался специальному изучению.

Подавляющее большинство буржуазных историков, писавших об откликах в провинции на июньское восстание в Париже, сводит свою задачу почти исключительно к рассказу о поддержке, которую оказали войскам Кавеньяка добровольцы из среды провинциальной буржуазии, аристократии, чиновничества и зажиточной верхушки крестьянства. При этом совершенно замалчиваются факты сочувственного отношения передовых рабочих провинциальных городов к восставшим пролетариям столицы. Так поступает, например, Робер Шнерб в своем исследовании об отношении к июньским событиям в Париже жителей департамента Кот д'Ор¹. Характерно само название работы другого буржуазного историка, Роже Леви-Гено — «Помощь Руана и Гавра Парижу в июне 1848 г.», напечатанной в одном из томов «Бюллетеня Общества истории революции 1848 г.»².

Наличие довольно значительного числа таких работ в новейшей французской буржуазной историографии само по себе весьма показательно и является одним из свидетельств усиления реакционной направленности этой историографии. Такой же подход к этой теме находим в статье Ж. Видаленка, опубликованной к 100-летию революции 1848 г.³

В советской историографии этот вопрос был поставлен уже давно⁴. Однако конкретная разработка его отсутствовала до сих пор. Задачей данной статьи является обрисовать на основе имеющихся в нашем распоряжении архивных и печатных источников проявления солидарности трудовых слоев населения окрестностей и пригородов Парижа с пролетариями этого города, поднявшимися в июне 1848 г. на вооруженную борьбу за свержение «Республики капитала и привилегий», за создание «Демократической и социальной республики». Изучение этой темы позволит расширить и уточнить наши представления о масштабах и характере

¹ R. Schnerb. La Côte-d'Or et l'insurrection de juin 1848. «Bulletin de la Société d'histoire de la Révolution de 1848», t. XX. Paris, 1923—1924.

² R. Lévy-Guénol. Rouen et le Havre au secours de Paris en juin 1848. «Bulletin de la Société d'histoire de la Révolution de 1848», t. XIV. Paris, 1918—1919.

³ J. Vidalenc. La province et les journées de juin 1848. В кн.: Etudes sur la Révolution de 1848. Paris, 1948.

⁴ А. Молок. Июньское восстание 1848 г. В кн.: Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. II. М., 1930, стр. 222—223.

июньского восстания, о закономерности этого события, которое буржуазные историки расценивают обычно как случайный и незначительный эпизод.

В 1848 г. Париж был окружен пригородными коммунами -- Сюрен, Пюто, Нейи, Курбевуа, Аньер, Клиши, Батиньоле, Монмартр, Ла-Шапель Сен-Дени, Ла-Виллет, Бют-Шомон, Бельвиль, Менильмонтан, Пантен, Венсени, Иври, Монруж и некоторыми другими, представлявшими собой в то время самостоятельные в административном отношении населенные пункты (впоследствии большая часть их была включена в черту города).

Энгельс, анализируя ход вооруженной борьбы в дни июньского восстания, отмечал в статьях, писавшихся по свежим следам событий и печатавшихся в «Новой Рейнской газете», что уже 23 июня «жители пригородов Ла-Виллет, Пантен и др. пришли на помощь восставшим», что к полудню 24 июня «все предместья и пригороды Батиньоле, Монмартр, Ла-Шапель, Ла-Виллет, одним словом, вся окраинная часть Парижа от Батиньоля до Сены и большая часть левого берега Сены были в их руках»⁵.

I

Относительно положения в *Батиньоле* в эти дни мы располагаем только отрывочными данными, содержащимися в немногих документах. Это, во-первых, незданная записка депутата Учредительного собрания от департамента Буш-дю-Рон, Проспера Мурана, датированная 25 июня. Из текста этой записки видно, что положение в Батиньоле было довольно напряженным. Муран, ссылаясь на депеши, посланные мэром Батиньоля, просит председателя Учредительного собрания удовлетворить его настойчивые требования «о принятии необходимых мер к тому, чтобы оградить две единственные заставы, пока еще свободные в северной части Парижа, а именно заставы Клиши и Монсо, равно как и Руанскую железную дорогу...» Муран добавляет, что «если не будут приняты некоторые меры предосторожности», то, по мнению мэра, следует в тот же день ожидать нападения на эти пункты ввиду усиливающихся угроз со стороны повстанцев.

Этот документ, написанный, по-видимому, рано утром 25 июня, т. е. в тот момент, когда перелом в ходе вооруженной борьбы в Париже в пользу правительственных войск еще не был окончательно закреплен, позволяет сделать вывод, что действия повстанцев в Батиньоле отличались довольно значительной активностью. Они вызывали такую сильную тревогу среди защитников «порядка», что Муран предлагал, в случае если в распоряжении командования не окажется свободных частей регулярной армии, двинуть в Батиньоле отряды национальной гвардии из окрестностей Парижа⁶.

Возможно, что напряженное положение в Батиньоле создано вследствие того, что местный батальон национальной гвардии уже 23 июня был отправлен в Париж на помощь правительственным войскам и принял там участие в боях с повстанцами. Видимо, это и позволило революционным рабочим Батиньоля попытаться возвести баррикады в этой пригородной коммуне. По словам одной реакционной газеты, опубликовавшей потом некоторые сведения о ходе событий в Батиньоле, национальные гвардейцы этого батальона расстроили эти попытки и, заняв заставы Батиньоля, обеспечили национальной гвардии северных департаментов свободный доступ в Париж⁷.

Опубликованное не так давно (в русском переводе) письмо генерала де Рикара к генералу Ламорисьеру от 28 июня 1848 г. свидетельствует

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 126, 129.

⁶ Archives nationales. C. 935. Commission d'enquête. Assemblée nationale. 2868. Mourand (Prosper).

⁷ «L'Union», 2 juillet 1848.

о том, какой сильный страх внушало представителям власти население Батиньоля (а также соседнего Монмартра) даже после подавления восстания. Основная мысль этого письма сводится к тому, что «было бы неблагоприятно выводить войска, которые расположены в Батиньоле»; их можно вывести оттуда, доказывал Рикар, лишь после того, как «войска, находящиеся на Монмартре, смогут либо полностью, либо частично сменить их»⁸.

II

Обратимся теперь к другой пригородной коммуне — *Монмартру*, о котором мы имеем значительно больше документальных материалов, чем о расположенном по соседству с ним (к западу) Батиньоле. Отметим прежде всего то, что в этом рабочем пригороде Парижа — будущей колыбели революции 18 марта 1871 г. — существовало несколько политических клубов, которые вели революционную пропаганду среди его жителей, в основном рабочих, ремесленников и мелких земледельцев. В общем списке клубов Парижа и его пригородов на 30 марта 1848 г., составленном на основании донесений полицейских комиссаров и некоторых других документов и пересланном в конце июня председателю следственной комиссии Учредительного собрания Одилону Барро за подписью начальника отдела общественной безопасности министерства внутренних дел Панисса, упомянуто два клуба, существовавших в коммуне Монмартр, — «Клуб Горы» и «Клуб Прогресса». Председателем первого был Дюлорье (Dulaugier), председателем второго — Делинья (Deligny)⁹.

«Это самый опасный из всех клубов, существующих в окрестностях Парижа», — так характеризовал «Клуб Горы» один полицейский документ. Особый интерес представляет для историка указание полицейских властей на связи членов «Клуба Горы» с активом национальных мастерских. Ведь бригадиры и делегаты национальных мастерских — наряду с деятелями революционных клубов, с которыми они были довольно тесно связаны, — являлись основной руководящей силой восстания.

Лица, вступавшие в состав клуба, получали медную медаль, по ободку которой были вычеканены слова: «Клуб Горы на Монмартре. Шато-Руж». На лицевой стороне медали была изображена гора и две скрещенные руки. Внизу стояла надпись: «Мы протягиваем руку народам всего мира» и дата: «14 марта 1848 г.» (вероятно, день основания клуба). На оборотной стороне медали была изображена фигура Республики (в образе женщины) с девизом: «Свобода, равенство, братство»¹⁰.

Обострение классовых противоречий, обнаружившееся уже через месяц после февральской революции, давало себя знать и в коммуне Монмартр. 23 марта мэр этой коммуны Костен предложил ее жителям руководствоваться циркуляром комиссара Временного правительства в округе Сен-Дени, де Ланглара, представившим собой плохо замаскированную попытку ограничить доступ рабочих и безработных в ряды национальной гвардии. Ссылаясь на нехватку оружия для всех граждан, записавшихся в нее, и на то, что многие из них не смогут нести службу, когда работы полностью возобновятся, комиссар заявлял, что «впредь следует выдавать оружие только тем гражданам, которые смогут тотчас же обеспечить себя обмундированием и экипироваться и для которых служба не будет слишком обременительной». «Прочие, — добавлял Ланглар, — будут получать

⁸ Ж. Буржен Репрессии после июньских дней. «Доклады и сообщения Института истории, выпуск 14». М., 1956, стр. 115.

⁹ Rapport de la Commission d'enquête sur l'insurrection qui a éclaté dans la journée du 23 juin et sur les événements du 15 mai, t. II. Paris, 1848, p. 99.

¹⁰ A. Lucas. Les clubs et les clubistes. Histoire complete, critique et anecdotique des clubs et des comités électoraux fondés à Paris depuis la Révolution de 1848. Paris, 1851, p. 181—183.

ружье по прибытии на пост и должны будут сдавать его там после окончания дежурства»¹¹.

В какой мере выполнялось в этом пригороде данное предписание, сказать трудно, но ясно, что трудящиеся Монмартра должны были усмотреть в этом правительственном циркуляре явную попытку лишить их оружия, которое они захватили в дни февральской революции.

Прошло три месяца, и провокационная политика правящих кругов заставила рабочих Парижа снова подняться на вооруженную борьбу. Какое участие приняли в июньском восстании рабочие и демократы коммуны Монмартр? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к имеющимся у нас документам. Вот, например, сохранившиеся в делах следственной комиссии две небольшие записки, из которых видно, что в ходе восстания инсургенты завладели коммуной Монмартр и находившимися там мастерскими по производству пороха, принадлежавшими предпринимателю по фамилии Руджиери, и заставили его изготавливать для них боеприпасы и снаряды¹².

«Большинство жителей, несомненно, были либо инсургентами, либо их сторонниками»,— утверждал анонимный автор неизданной записки об июньских событиях на Монмартре, представленной в следственную комиссию¹³.

Это утверждение близко к истине. Характерно, что 23 июня командующий батальоном национальной гвардии Монмартра майор Бреди отказался удовлетворить просьбу одного из местных жителей, Бержере, который явился в мэрию, полагая, что батальон поведут в Париж для участия в борьбе против начавшегося восстания. «Мы останемся у себя в коммуне»,— ответил Бреди, выслушав Бержере. Даже после того, как на Монмартр явился помощник мэра II округа с приказанием от мэра Бержэ двинуть батальон в Париж, командир батальона не подчинился этому распоряжению, заявив, что он не может положиться на своих людей. «Это верно, что многие из них оказались на стороне инсургентов,— признает Бержере в письме к председателю следственной комиссии;— но,— добавляет он,— было немало мужественных людей, которые, подобно мне, грудью стали бы на защиту Республики». Свое письмо Бержере заканчивал просьбой расследовать это дело и сформировать на Монмартре новый батальон с новыми командирами¹⁴.

По вопросу о руководителях восстания на Монмартре мы находим в документах указание на «активное участие в боях» деятелей «Клуба Горы», в частности Ноёля (Noël), который был одним из двух заместителей председателя этого клуба¹⁵, и убитого в бою Лароша (Laroche), бывшего одним из двух секретарей той же организации (другим секретарем был Ш. Дезэ). По сведениям, заимствованным из ряда источников, в руководстве восстанием на Монмартре участвовал также видный деятель того же клуба Гроссье-Беранже (Grossier-Béranger). Он характеризуется как «очень опасный человек»¹⁶, причем отмечается, что как он, так и Ноэль, были «личными друзьями» одного из комиссаров по организации «Народного банкета» Л. Б. Томассена (Thomassin), а также редактора

¹¹ «La Commune de Paris», 25 mars 1848.

¹² Arch. Nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier, liasse N 1: Renseignements divers. Notes. 3320; Arch. nat. C 935. Ministère de la Guerre. Commission d'enquête. 2990. Renseignement fourni par le C^{en} Tillancourt.

¹³ Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier, liasse N 1. 3339. Renseignements relatifs à l'insurrection de juin particuliers à la commune de Montmartre... Paris le 10 juillet 1848.

¹⁴ Arch. Nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier, liasse N 1. 3097. Bergeret.

¹⁵ В другом неизданном документе Ноэль назван председателем «Клуба Горы» (на Монмартре), «одним из главных вожаков», сражавшимся на баррикадах (Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier. 3339).

¹⁶ Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier. 3439.

революционной газеты «Le Père Duchêne» Б. Лароша, убитого 25 июня у заставы Рошешуар¹⁷. Остается добавить, что Гроссье-Беранже также был одним из комиссаров по организации «Народного банкета»¹⁸, подготовка к которому вызывала такой сильный страх в буржуазных кругах столицы.

Все, что мы знаем о программе и деятельности «Клуба Горы», позволяет сделать вывод, что он действительно играл крупную роль в революционном выступлении трудящихся коммуны Монмартр в июньские дни 1848 г. Этот вывод подтверждается еще и тем, что в списке революционных клубов и профессиональных организаций рабочих кварталов Парижа и его пригородов, которые 22 июня включились, по словам префекта полиции Трувс-Шовеля, в подготовку восстания, фигурирует и «Клуб Горы». Остается добавить, что в своем сообщении от 3 июля 1848 г. председателю следственной комиссии префект утверждал, что названные им клубы и организации были связаны с «Обществом прав человека» и действовали по его указаниям¹⁹. Что эта широко разветвленная революционная организация имела сторонников и среди членов клубов, существовавших в пригородах Парижа, — это вполне вероятно.

Чтобы покончить с вопросом об участии «Клуба Горы» в июньских событиях 1848 г. на Монмартре, сошлемся еще на один неизданный документ. Это — анонимная записка, в которой рассказывается, что, после того как защитники «шорядка» захватили баррикаду, сооруженную неподалеку от дома, где находились многие руководители повстанцев, над нею было водружено красное знамя, увенчанное черным крестом. Совершила этот смелый поступок близкая к Дюлорье женщина по фамилии Митуфль. После подавления восстания, говорится в той же записке, Дюлорье и другие руководители повстанцев «дали клятву отомстить и заявили, что готовы возобновить борьбу»^{19а}. Это интересное сообщение заслуживает внимания историка.

Среди членов клубов, принимавших участие в восстании на Монмартре, были также деятели «Клуба Франклина», основанного в апреле 1848 г. Председатель этого клуба Ларрок (Larroque) погиб в бою 26 июня²⁰ — в последний день восстания. Погиб в рядах июньских инсургентов и вице-председатель созданного на Монмартре в апреле 1848 г. «Демократического клуба 13-го округа» Бурдон (Bourdon), по прозвищу «Бронзовая голова», основатель и редактор революционной газеты «L'Aimable faubou-gien»²¹.

Только чрезвычайные меры, принятые властями, помешали восставшим рабочим полностью завладеть Монмартром.

Как видно из записки побывавших там депутатов Учредительного собрания Дюзолье, Гролье и Дебрусса, датированной 25 июня (11 часами утра), положение было в тот момент столь угрожающим, что военное командование направило туда батальон национальной гвардии. Это было сделано для того, пишут депутаты, «чтобы помешать инсургентам Кло Сен-Лазар завладеть Монмартром, позицией, сильно угрожаемой и слабо охраняемой, поскольку часть населения поддерживает восстание». В той же записке указывается, что командовавшему там полковнику Амберу удалось рассеять «довольно многочисленные группы рабочих», толпившихся вокруг станции Гаврской железной дороги, и не допустить ее захвата; с той же целью он разослал «сильные патрули» и занял «главные пункты». Отрад из 100 человек был выслан к мосту Аньер, чтобы помешать его

¹⁷ Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier. 3439; 3339; 2820.

¹⁸ A. Lucas. Op. cit., p. 182.

¹⁹ Rapport de la Commission d'enquête..., t. II, p. 128.

^{19а} Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier, liasse N 1. 3445. Maison meublée 7, Rue Labatte à Montmartre.

²⁰ A. Lucas. Op. cit., p. 140; Liste des personnes tuées ou blessées dans les journées de juin. Paris, 1848, p. 15.

²¹ A. Lucas. Op. cit., p. 37.

сожжению. Мэрам всех пригородов тот же Амбер предложил направить в Париж продукты, в частности все наличные запасы хлеба. Заканчивалась записка сообщением, что «инсургенты, отброшенные стрелками мобильной гвардии, непрерывно приближаются к Монмартру, где через несколько мгновений, вероятно, начнется бой»²².

К вечеру того же дня обстановка на Монмартре изменилась в пользу правительственных войск. Этому способствовали новые меры, принятые военным командованием. Как видно из депеши командира 1-го батальона 2-го легиона национальной гвардии Буден-Девевра, Кавеньяк распорядился провести ряд мер, чтобы преградить отрядам повстанцев путь к высотам Монмартра. С этой целью Буден-Девевр со своим отрядом был направлен в Клиши — Батиньоль, чтобы укрепить посты у заставы Клиши и заставы Бланш и установить между ними необходимую связь через промежуточные посты и часовых. «После того, как я провел рекогносцировку на всей правой стороне Клиши между Монмартром и этой последней местностью и расставил там посты и часовых с тем, чтобы полностью оградить нас от нападений инсургентов, о которых нам говорили, что они уже овладели Монмартром,— рассказывает далее в своей депеше этот офицер,— я оградил также и мое левое крыло, произведя там рекогносцировку и выслал сильные патрули со стороны Батиньоля». Учитывая «чрезвычайно важное значение» этой позиции, Буден-Девевр решил остаться на Монмартре с 500 человек своего отряда, а 200 человек отвести в Клиши (всего в этом батальоне насчитывалась тысяча человек). К депеше был приложен постскриптум, в котором говорилось, что, по полученным только что сведениям, «колонна инсургентов направляется к северу от монмартрских высот, по дороге, ведущей к вокзалу Сент-Уан. «Я сейчас же направлюсь в эту сторону с 200—300 человек»,— заканчивал свое донесение Буден-Девевр²³.

О том, что восстание на Монмартре началось почти одновременно с восстанием в Париже, что первые баррикады были построены на Монмартре вечером 23 июня, что среди национальной гвардии этой пригородной коммуны не оказалось единодушия в вопросе об отношении к восстанию и что многие гвардейцы либо не явились в свои роты, либо перешли на сторону восставших (в одной роте к утру 25 июня осталось только три человека), мы узнаем из донесения командира 5-й роты батальона местной национальной гвардии Робера от 4 июля²⁴.

Из приведенных документов видно, что борьба за Монмартр носила довольно упорный характер и закончилась только с окончанием боев в самом Париже.

Страх имущих классов перед побежденными, но все еще грозными пролетариями Парижа и Парижского района долго не проходил. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, в том числе и такие, которые относятся к Монмартру. Приведем некоторые из них. «На высотах Монмартра толпится множество рабочих и крестьян, настроение которых оказалось нам далеко не превосходным»,— с тревогой писали военному командованию очевидцы уже после окончания вооруженной борьбы²⁵. «Коммуна Монмартра,— читаем в одном анонимном письме на имя генерала Ламорисьера,— является одним из самых опасных очагов терроризма и

²² Arch. Nat. C 935. Commission d'enquête. Liasse: Assemblée nationale. 2851. 25 juin 1848 (11 heures du matin). Dusolier, Grohlier, Desbrousse.

²³ Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier, liasse: Ministère de la guerre. 2973. Copie de la dépêche du citoyen Boudin-Devesvres, chef du 1-er b^{on} 2e légion. Montmartre, 25 juin 1848, 7^{1/2} du soir.

²⁴ Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. 2955. Montmartre, le 4 juillet 1848. Gardes nationaux de la Seine, 2me légion (banlieue). Robert, capitaine en 1er de la 5e compagnie.

²⁵ Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier. 3318. Les décorés de juillet.

коммунизма. Пусть ее как следует обыщут и пусть национальная гвардия этой коммуны будет полностью распущена. И в особенности не снимайте слишком рано осадного положения»²⁶. В письме от 28 июня подполковник 11-го легиона национальной гвардии А. Симонэ, командовавший в этот момент войсками в коммуне Монмартр и руководивший операцией по разоружению ее жителей, просит генерала Рикара передать военному министру, что «муниципалитет Монмартра единодушно придерживается мнения о необходимости оставить здесь еще на несколько дней батальон пехоты и одну пушку, чтобы обеспечить спокойствие и сохранность многочисленных складов оружия, находящихся в мэрии до времени перевооружения»; «эти склады, — добавляет Симонэ, — могли бы оказаться объектом нападения для недовольных»²⁷.

Ходатайство этого офицера армии Кавеньяка было удовлетворено. «Ла-Шапель, Ла-Виллет и Монмартр разоружены, — сообщал в начале июля немецкий очевидец, корреспондент «Новой Рейнской газеты» Эвербек. — При этом последнему доверяли так мало, что на его высотах были выставлены пушки»²⁸.

После того как войска были выведены из Монмартра, беспокойство среди местных реакционеров еще более усилилось. Один из них в неизданном письме от 23 июля жалуется на бездействие властей, на то, что они не принимают мер против «подозрительных лиц», и с тревогой указывает, что «враги порядка снова поднимают голову», что «люди в блузах с мрачными физиономиями встречаются все в большем числе и попадают на глаза группами в 5—6 человек, особенно по вечерам»²⁹.

Это — типичный документ ближайших недель «после грозы».

III

Рассмотрим теперь ход событий, разыгравшихся в июньские дни в коммуне *Ла-Шапель-Сен-Дени* (иначе — просто *Ла-Шапель*), расположенной к востоку от коммуны Монмартр.

Политическая обстановка в этом рабочем по преимуществу пригороде Парижа была весьма напряженной еще в марте. 15 марта местный муниципальный совет постановил принять меры для изъятия оружия у тех, кто завладел им в дни февральской революции³⁰. Бедственное положение трудящихся Сен-Дени, среди которых было много безработных, еще более усиливало напряженность обстановки. Меры помощи им, принятые местными властями (выдача пособий нуждающимся, организация строительных работ для безработных), не принесли существенного улучшения в положении трудового населения коммуны. Революционные настроения в ней усиливались.

В середине мая 12 жителей Ла-Шапель-Сен-Дени обратились к мэру Парижа с письмом, в котором с тревогой указывали на пропаганду «разрушительных для общественного порядка учений», ведущуюся местным «Республиканским клубом», председателем которого был железнодорожный служащий, бывший студент Политехнической школы Мори (Maury), один из вице-председателей Временной административной комиссии Сен-Дени. Авторы письма требовали закрытия этого клуба и роспуска этой комиссии, утверждая, что она состоит в большей своей части «из врагов порядка и Республики». Письмо это было переслано помощником мэра Парижа Эд-

²⁶ Ж. Буржэн. Репрессии после июньских дней, стр. 115.

²⁷ Там же, стр. 116.

²⁸ «Neue Rheinische Zeitung», 7. Juli 1848.

²⁹ Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier, liasse N 1. 3338. Commune de Montmartre... Paris le 23 juillet 1848.

³⁰ L. L a m b e a u. Histoire des communes annexées à Paris en 1859. Publiée sous les auspices du Conseil général. La Chapelle Saint-Denis. Paris, 1923, p. 440—441.

моном Аданом правительственному комиссару округа Сен-Дени с предложением вывести Мори из состава местного муниципального органа власти. Вскоре он сам подал в отставку. Временная административная комиссия была заменена другой, все члены которой принадлежали к буржуазии³¹.

Основным источником, по которому мы можем судить о событиях, разыгравшихся в июньские дни на территории этой пригородной коммуны, являются показания местного комиссара полиции Винтера, данные 28 июня следственной комиссии. Винтер указывал, что Ла-Шапель насчитывает 20 тыс. жителей, в том числе 15 тыс. рабочих (преимущественно железнодорожников); он утверждал, что «они не испытывают особенно сильной нужды», и все объяснял «вредным» влиянием местного «Республиканского клуба», в котором было 2500 членов. Три четверти членов этой массовой организации приняли участие в революционном выступлении 23 июня. Оно началось с того, что на улицах Ла-Шапель стали собираться группы людей и строить баррикады. Восставшие рабочие захватили мэрию, избили и прогнали мэра, завладели оружием и вступили в бой с защитниками «порядка».

Соотношение сил было весьма неблагоприятно в этот момент для сторонников правительства. По словам комиссара, из 5 тыс. национальных гвардейцев коммуны власти могли рассчитывать только на 1000—1200 человек. Остальные примкнули к восстанию или, во всяком случае, не оказали поддержки мэру; даже помощник командира батальона Лодуэн присоединился к восставшим; по-видимому, на их сторону перешло и несколько солдат. Комиссар сообщал, что он приказал арестовать около 30 гвардейцев и солдат и отправить их в штаб-квартиру генерала Ламорисьера. Бои носили, видимо, довольно ожесточенный характер: об этом свидетельствует тот факт, что число убитых дошло до 50, а раненых — до 100.

Таковы показания, которые дал следственной комиссии комиссар полиции Винтер³². Они представляют значительный интерес для историка и свидетельствуют о том, что выступление рабочих этой коммуны вылилось в настоящее восстание. Правда, Винтер уверял, что оно не носило политического характера. Но это утверждение не соответствует действительности: ведь выступлением руководили члены местного «Республиканского клуба».

Примерно так же описывает ход событий в коммуне Ла-Шапель ее мэр Тутен в сообщении супрефекту округа Сен-Дени от 30 июня. Подобно комиссару, мэр указывает, что большинство национальных гвардейцев коммуны отказалось подчиниться властям и что повстанцы завладели 9—10 тыс. патронов, хранившихся в мэрии. В ряде пунктов были возведены мощные баррикады; их защищали 300 инсургентов. Никакие уговоры не могли убедить их сложить оружие; в ходе боев, продолжавшихся два дня, было убито 19 человек. Только 25 июня колонна правительственных войск под командованием генерала Лебретона смогла разрушить баррикаду у заставы Пуассоньер, проникнуть в центральную часть коммуны и помочь национальным гвардейцам, оставшимся в стороне от восстания, занять мэрию. Вскоре после этого прекратили сопротивление и защитники других баррикад; только одна группа инсургентов отступила в Ла-Виллет, но там была задержана. Подавление восстания в Ла-Шапель завершилось многочисленными арестами³³.

Еще более конкретную картину восстания в этой коммуне рисует в своем отчете от 25 августа командующий ее национальной гвардией и председатель ее муниципальной комиссии Лавалле. К тому, что мы уже знаем о председателе «Республиканского клуба Ла-Шапель-Сен-Дени»

³¹ Ibid., p. 443—445.

³² Rapport de la Commission d'enquête..., t. I, p. 369.

³³ L. L a m b e a u. Op. cit., p. 449—450.

Мори, Лаваллэ добавляет, что Мори поддерживал связь с Бланки, Барбесом и некоторыми другими видными революционными деятелями Парижа, и подчеркивает, что «Республиканский клуб» пользовался большим влиянием среди рабочего населения коммуны (эти факты опровергают утверждение комиссара Винтера об отсутствии политических мотивов в восстании в Ла-Шапель). В том же документе говорится, что из восьми рот ее национальной гвардии три (5, 7 и 8-я) полностью, а одна (4-я) частично отказались подчиниться властям, направились в Париж и приняли участие в баррикадных боях на улицах столицы, в предместьях Сен-Дени и Пуассоньер. В заключение автор отчета указывает, что после подавления восстания в коммуне Ла-Шапель были арестованы руководившие им офицеры национальной гвардии — командир батальона Ланглуа (Langlois), капитан Жюльен (Jullien), лейтенанты Фрерон (Fréron) и Дюбуа (Dubois). В результате проведенного разоружения коммуны было изъято около 3400 ружей³⁴.

Дополнительные сведения о восстании в Ла-Шапель содержатся в показаниях, которые дал 25 июля следственной комиссии служащий Северной железной дороги Жак Понти, житель этой коммуны, очевидец событий. «25 июня, около 11 часов утра, — рассказывает он, — я был послан муниципальным советом Ла-Шапель предложить инсургентам во имя гуманности прекратить огонь и известить их о том, что в Париж уже послан парламентар с просьбой к генералу прекратить огонь с его стороны. Мне было вручено письменное предложение, без подписи, но с печатью мэрип. Инсургенты, познакомившись с ним, ответили мне, что они прекратят огонь лишь тогда, когда на бумаге, которую я им представил, будет стоять подпись Коссидьера, или Лагранжа, или Пьера Леру. Я спросил их, как это они могут требовать, чтобы я разыскал хоть одного из этих трех человек. В этот момент подошел лейтенант Виньерон, который командовал инсургентами, и отвел меня обратно в сторону Ла-Шапель; он поручил мне передать командующему, что все идет хорошо, что все люди его отряда повинуются ему, и просил меня не позабыть сказать командующему, чтобы тот прислал ему барабанщика. Он не указал, какому командующему»³⁵.

Из этого документа мы узнаем, во-первых, фамилию офицера национальной гвардии, командовавшего одним из отрядов повстанцев в Ла-Шапель, во-вторых, находим новое подтверждение тому факту, что участники июньского восстания возлагали определенные, хотя и совершенно необоснованные, надежды на Коссидьера (в Сент-Антуанском предместье его имя фигурировало даже в качестве пароля). Интересно отметить и то, что наряду с Коссидьером рабочие Ла-Шапель выражали доверие мелкобуржуазному демократу Лагранжу (вероятно, как одному из руководителей вооруженной борьбы в дни февральской революции) и социалисту Пьеру Леру (видимо, за его горячее выступление в защиту интересов трудящихся масс на заседании Учредительного собрания 15 июня).

Из приведенных документов вытекает, что повстанцы коммуны Ла-Шапель приняли весьма активное участие в вооруженной борьбе этих дней, притом не только на территории этой коммуны, но и за ее пределами.

В частности, тот факт, что многие национальные гвардейцы Ла-Шапель перешли на сторону восставших рабочих, а затем присоединились к инсургентам, сражавшимся внутри Парижа, подтверждается и запиской (без даты и без подписи), о которой комиссар полиции квартала Тюильри счел нужным доложить префекту полиции 5 июля. «Я считаю, — писал он в тот

³⁴ L. L a m b e a u. Op. cit., p. 451—453.

³⁵ Rapport de la Commission d'enquête..., t. I, p. 157—158.— Впоследствии Виньерон (Vignerón) был заочно приговорен к ссылке (Arch. nat. F⁷ 2585. Liste générale par ordre alphabétique des inculpés compris dans la procédure instruite à l'occasion de l'insurrection de juin 1848. N 11468, 11471).

же день, — что записку следует переслать в следственную комиссию Национального Собрания».

Приводим полностью текст этого документа, происхождение которого остается невыясненным:

«3-я рота 4-го батальона 5-го легиона во главе со своим капитаном находится вместе с инсургентами у заставы Ла-Шапель, равно как и часть национальной гвардии Ла-Шапель.

Это та рота, которая возвела баррикады в верхней части предместья Сен-Мартен»³⁶.

Добавим, что предместье Сен-Мартен было одним из самых революционных среди рабочих кварталов Парижа 1848 г. и являлось важной ареной борьбы в дни июньского восстания.

Особенно активное участие в вооруженной борьбе в Париже приняла, по-видимому, 5-я рота национальной гвардии Ла-Шапель. Этой ротой, сражавшейся в предместье Пуассоньер, на баррикадах улицы де Бельфон, командовал гравер по металлу Габриель-Юбер Лежениссель (Legenissel), по прозвищу капитан Робер (Александр)³⁷.

Отряд Леженисселя состоял в основном из рабочих, занятых в железнодорожных мастерских коммуны Ла-Шапель (механиков, котельщиков, железопрокатчиков, литейщиков). На это обстоятельство обратил внимание (в статье, опубликованной к столетию июньского восстания) французский историк-марксист Эмиль Терсан. Он отметил видную роль, которую сыграли в июньском восстании железнодорожники, а также другие группы квалифицированных рабочих крупных предприятий Парижа и его пригородов, отличавшиеся высокой политической сознательностью и проникнутые духом революционной солидарности³⁸.

IV

Не осталось в стороне от июньских событий и трудящееся население коммуны *Ла-Виллет*, расположенной к востоку от коммуны Ла-Шапель. О ходе событий в этой пригородной коммуне рассказали ее мэр Антонен Прелар и его первый помощник Огюст Ренье в официальном отчете от 30 июня, представленном генералу Лебретону. Этот неизданный документ рисует конкретную картину событий, правда, в освещении людей, которые именуют себя сторонниками «порядка» (т. е. реакции) и «Республики честных людей» (т. е. буржуазной республики).

Утром 23 июня, узнав, что в Париже бьют сбор национальной гвардии, Прелар отдал приказ бить сбор национальной гвардии Ла-Виллета. К 12 часам собралась, как признает мэр, лишь небольшая кучка людей. Но еще до этого около 900 повстанцев успели захватить ящики с оружием, найденные в одной транспортной конторе, вооружиться и занять площадь перед зданием мэрии. Вскоре началась перестрелка, постройка баррикад. Между тем кучка национальных гвардейцев, откликнувшихся на зов мэра, к вечеру разошлась, а те, кто должен был сменить их на почь, не явились. Мэр пытался помешать постройке баррикад, но был осажден толпой, окружившей здание мэрии, которую охранял караульный пост из 25—30 человек. В ночь на 24 июня повстанцы возвели баррикады у Фландрской заставы и у Германской заставы. «На следующий день, в субботу, к 4 часам утра, — рассказывает мэр, — я смог, несмотря на вызовы и обходы на дому, собрать

³⁶ Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. 3081. 5 juillet 1848. Le Cr^e de police du quartier des Tuileries.

³⁷ Arch. nat F⁷ 2585. Liste générale par ordre alphabétique des inculpés compris dans la procédure instruite à l'occasion de l'insurrection de juin 1848, N 7062. «Gazette des tribunaux», 1848, p. 1064—1065, 1214—1215 (отчет о судебном процессе Леженисселя, приговоренного к 10 годам каторжных работ).

³⁸ Emile Tersen. Juin 48. «La Pensée», 1948, N 19, p. 12—14.

только три десятка национальных гвардейцев, так что я не имел возможности предпринять даже самое незначительное выступление». Как видим, буржуазные национальные гвардейцы вели себя в пригородах так же трусливо, как и в Париже. «В это время, — продолжает свой рассказ Прелар, — баррикад было много, баррикада у заставы Пантеп была занята 200 решительных людей, на баррикаде у Фландрской заставы было почти столько же защитников». Тогда же повстанцы завладели пороховым складом.

В течение двух дней, 23 и 24 июня, Ла-Виллет был отрезан от внешнего мира. «Я совершенно ничего не знал, — признается Прелар, — что происходит в Париже и у наших соседей; я не получал никаких известий». В ночь на 25 июня мэру удалось отправить посланца в штаб-квартиру генерала Ламорисьера. Стало известно, что правительственные войска уже потеснили инсургентов в некоторых пунктах Парижа, но сражение еще продолжалось. Мэру коммуны Ла-Виллет пришлось запастись терпением, так как для нападения на повстанцев у него не было достаточно сил. Он снова созвал национальных гвардейцев; на этот раз их собралось несколько больше, чем в первый день; по городу были разсланы патрули, которые разрушили одну баррикаду и помешали постройке ряда новых баррикад. 26 июня Прелар отправил в Париж одного офицера за подкреплениями. Вскоре к заставе Рошешуар подошел генерал Лебретон с отрядами артиллеристов Амьена и национальных гвардейцев Руана. Эти войска вступили в Ла-Виллет и подавили восстание. Затем было проведено изъятие оружия у местного населения³⁹.

Так описывал мэр Ла-Виллета революционное выступление трудящихся этой пригородной коммуны Парижа в июньские дни 1848 г.

При чтении этого документа бросаются в глаза тактические ошибки, допущенные восставшими рабочими и ремесленниками Ла-Виллета: то, что они оставили на свободе мэра, не завладели мэрией, не развернули более активных наступательных действий, не связались с революционными группами в других пригородных коммунах и с повстанцами в самом Париже⁴⁰. Объясняются все эти ошибки, конечно, слабой организованностью протестариев Ла-Виллета.

Впрочем, то же самое наблюдалось — в большей или меньшей степени — и во время выступлений в других пригородах.

V

Крупные революционные события разыгрались в июньские дни в *Бельвиле*, промышленно развитом пригороде Парижа, расположенном к югу от Ла-Виллета (в 1871 г. он был важной опорной базой Коммуны). «Весь Бельвиль был в сговоре с повстанцами», — утверждал депутат Учредительного собрания, позже ставший префектом полиции, Дюку в своих показаниях следственной комиссии 15 июля⁴¹. Этот вывод Дюку вызвал возражения со стороны капитана 4-й роты батальона местной национальной гвардии Бриффара. «Неверно, — заявлял он в неизданном письме к председателю следственной комиссии от 26 августа, — что весь Бельвиль был на стороне инсургентов». Верно то, подчеркивал Бриффар, что в Бельвиле имелись национальные мастерские, в которых работало около 5 тыс. рабочих; к ним следует добавить членов «Клуба монтаньяров», заседавшего в Мешильмонтане, одном из кварталов Бельвиля. Все

³⁹ Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. Liasse: Mairies. 2898. Mairie de la Ville. Au général Lebreton le 30 juin 1848.

⁴⁰ Некоторую помощь ла-виллетцы (наряду с революционерами пригорода Пантена) все же оказали парижским инсургентам: на это указывает Энгельс в одной из своих статей об июньском восстании (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 126).

⁴¹ Rapport de la Commission d'enquête..., t. I, p. 276.

эти люди вступили в ряды национальной гвардии и получили оружие. «Могли ли 1500 человек, из которых состояла прежняя национальная гвардия Бельвиля, противостоять столь превосходящим силам?» — спрашивает Бриффар и отвечает: — Разумеется, нет»⁴².

Подробные сведения о политическом положении в Бельвиле в 1848 г. и о событиях, которые произошли в июньские дни на его территории, дан в своем «Докладе о восстании в Бельвиле во время июньских дней 1848 г.» капитан роты стрелков 45-го пехотного полка Гуа, исполнивший там обязанности военного следователя. Этот обстоятельный документ, датированный 25 августа 1848 г. и изданный затем в виде отдельной брошюры⁴³, до сих пор не привлекал внимания историков. Между тем он дает довольно отчетливую картину событий, хотя и принадлежит перу ярого врага революционного движения.

Свой рассказ Гуа начинает с некоторых статистических данных. Он указывает, что в начале XIX в. Бельвиль со своими 8 тыс. жителей (в 1822 г.) был маленькой сельской коммуной, но что, по данным переписи 1846 г., численность его населения возросла до 28 тыс. человек (не считая приезжих). «Этим быстрым ростом,— подчеркивает Гуа — Бельвиль обязан конечно сосредоточению в его стенах нескольких промышленных предприятий столицы, благодаря низкой квартирной плате в нем. Там преобладают малосостоятельные люди, насчитывается 6 тыс. рабочих, много служащих и мелких рантье». Территория верхней части коммуны, добавляет Гуа, населена земледельцами; он всячески расхваливает их за то, что «они почти всегда держались в стороне от политических выступлений» (речь идет, по-видимому, о зажиточных земельных собственниках). Впрочем, и рабочее население Бельвиля, по словам докладчика, соблюдает «порядок», так как боится остаться без работы в случае возникновения каких-либо волнений, которые могли бы привести к закрытию предприятий. Население нижней части Бельвиля, отмечает далее Гуа, отличается большой текучестью. Повторяя обычную клевету буржуазных реакционеров на революционно настроенных пролетариев, следователь пытается доказать, что в квартале Ла-Куртиль, на Шомонских высотах и в некоторых других пунктах коммуны имеется много людей без определенных занятий, бродяг, «уголовных элементов». Особо останавливается он на квартале Менильмонтаи, напоминая, что в свое время здесь помещалась община сенсимонистов, оказывавших определенное влияние на местных жителей. «Они были сенсимонистами при монархии, они должны были стать коммунистами при республике», — категорически заявляет следователь, явно недооценивая коренное различие между сенсимонизмом и коммунизмом (хотя бы и утопическим).

Интересны фактические данные, приводимые Гуа по вопросу о роли революционных клубов Бельвиля в июньские дни. Указывая на то, что на некоторых улицах Менильмонтана все население взялось за оружие, что «восемьсот монтаньяров охраняли баррикады» и что «в каждом доме имелись люди, готовые к бою», он объясняет это влиянием местных политических клубов и дает характеристику этих организаций. Их было три: «Клуб монтаньяров Бельвиля», «Демократический и социальный клуб Бельвиля», «Клуб трудящихся Бельвиля».

Больше всего сведений находим мы в докладе Гуа о «Клубе монтаньяров», заседания которого происходили в помещении казино Менильмонтана; на них присутствовало нередко до 1000—1200 человек. Кроме публичных заседаний, утверждает Гуа, до них, а иногда после них происхо-

⁴² Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier. 3109. Briffard. Belleville ce 26 août 1848.

⁴³ Rapport sur l'insurrection de Belleville pendant les journées de juin 1848. par Goy, capitaine de voltigeurs au 45e de ligne, instructeur-délégué pour Belleville et ses environs. Fait au camp de La Chapelle, le 25 août 1848.

дили «секретные совещания» наиболее активных и последовательных членов клуба. На этих совещаниях обсуждались и критиковались действия правительства и его представителей, принимались различные решения. Так, например, в середине июня было решено не признавать президента Республики, если он будет избран, и покончить с ним. Тогда же было принято решение осудить действия местного комиссара полиции, который производил обыски в домах с целью изъятия оружия и боеприпасов, и оказать ему противодействие. 15 мая, в день массовой народной демонстрации в Париже, члены «Клуба монтаньяров» организовали дежурство в ожидании новостей, а человек 40 или 50 из них участвовало в демонстрации.

Руководящими деятелями «Клуба монтаньяров» являлись, по словам Гуа⁴⁴, следующие лица: председатель клуба А. Потье (Potier), коммивояжер, бывший мастер по производству фуражек, разорившийся еще до революции; Фанферно (Fanferneau, иначе Fanfernot), набивщик тканей (23 июня он издал прокламацию, в которой клеймил как предателей всех, кто не возьмется за оружие, чтобы свергнуть правительство); главный оратор клуба механик-модельщик Герино (Guérineau), лейтенант национальной гвардии⁴⁵; вице-председатели клуба — Югельман (Hugelmann), офицер мобильной гвардии Моро (Moreau) и коммивояжер Колетт (Colette); секретарь клуба Талерик (Talerick).

Активную роль в «Клубе монтаньяров» играл, по словам Гуа, также фармацевт Ансар (Ansart), которого он называет «другом Герино» и «одним из ораторов» клуба; в дни июньского восстания Ансар занимался изготовлением пороха, использованного инсургентами при защите баррикад на улицах Сен-Мор и Менильмонтан⁴⁶.

Эти сведения нуждаются в некоторых уточнениях и дополнениях. По данным, которые приводит в своей книге Люка, президиум «Клуба монтаньяров» Бельвиля, основанного в марте 1848 г., состоял из следующих лиц: председатель — А. Потье, вице-председатели — Колле (Collet), Герино; секретари: Дюфо (Dufaut), Тальвиши (Talvichy), Э. Буве (Bouvet); казначей Деланорт (Delaporte)⁴⁷. Югельман отсутствует в этом списке. Отсутствует и Моро. Ни у Гуа, ни у Люка не упоминается Огюст Далишу (Dalichoux), фигурирующий в одной современной брошюре в качестве члена бюро «Клуба монтаньяров»⁴⁸.

Полагаем, что мы не ошибемся, если допустим, что Талерик, Тальвиши, Далишу — это не три разных человека, а один человек, только с искаженной в двух случаях фамилией. Полагаем также, что Коллет и Колле — это одно и то же лицо. Относительно Фанферно в докладе Гуа приведены некоторые дополнительные сведения, а именно, что до вступления в «Клуб монтаньяров» он состоял членом другого бельвийского клуба и что, вместе с неким Фелу, он был в свое время командирован для ведения революционной пропаганды в Бургундию по заданию «Клуба клубов» (иначе — «Революционного комитета по выборам в Национальное учредительное собрание»). Уточняя показания Гуа, отметим, что в списках делегатов, посланных в провинцию «Клубом клубов», фамилия Фанферно отсутствует; зато он упоминается в списке членов «Клуба демократов Бельвиля», деле-

⁴⁴ G o u. Rapport sur l'insurrection de Belleville pendant les journées de juin 1848..., p. 6-8.

⁴⁵ В показаниях адвоката Э. Дёзи, принимавшего участие в расследовании событий в Бельвиле, Герино характеризуется как «очень опасный человек»; Дёзи ошибочно называет его председателем этого клуба (Rapport de la Commission d'enquête..., t. I, p. 273). В другом источнике Герино фигурирует в качестве вице-председателя клуба (A. Lucas. Op. cit., p. 180).

⁴⁶ G o u. Op. cit., p. 28.

⁴⁷ A. Lucas. Op. cit., p. 180.

⁴⁸ Liste des personnes tuées et blessées dans les quatre journées de l'insurrection de juin 1848, p. 15.

гированных в департаменты из этой организации⁴⁹. В этом последнем списке значится и Герино. В то же время в списке делегатов, направленных в провинцию «Клубом клубов», фигурирует председатель «Клуба монтаньяров» Потье⁵⁰. Гуа утверждает, кроме того, что с разрешения Косидьера Потье развезил оружие по провинции.

Ограниченность источников, которыми мы располагаем по данному вопросу, не позволяет нам установить с полной точностью личный состав руководителей «Клуба монтаньяров» и других революционных клубов Бельвиля. Гуа называет еще два клуба, игравших активную роль в руководстве восстанием в этой пригородной коммуне. Один из них фигурирует в докладе следователя под названием «Демократический и социальный клуб Бельвиля». Основателем и председателем его был бухгалтер Сюше (Sucher), «человек экзальтированный и опасный», «малосостоятельный, но образованный и честолюбивый», как характеризует его Гуа, указывающий, что он руководил постройкой баррикад и «читал инсургентам зажигательные прокламации» (к сожалению, текст их нам неизвестен). Секретаря этого клуба звали Франсуа, коммунисты; «один из них, — добавляет он, — командовал баррикадой на улице Фоли-Мерикур». Численность членов клуба следователь определяет в 100 человек⁵¹.

Среди клубов, упомянутых в книге Люка, нет клуба под названием «Демократический и социальный клуб Бельвиля». Зато там упоминается «Клуб демократов Бельвиля», созданный в апреле 1848 г. и собиравшийся на Главной улице у виноторговца Кюзнера, под председательством торговца ювелирными изделиями Маспе (Maciet). «23 июня, — пишет Люка, — все члены этого клуба взялись за оружие; из них состояли посты инсургентов, которые отдалили захват баррикад в предместьях Пуассоньер, Ла-Виллет, Тампль и т. д.»⁵². Остается добавить, что «Клуб демократов Бельвиля» фигурирует (наряду с «Клубом монтаньяров Бельвиля») в упоминавшемся выше списке руководящих организаций июньского восстания, пересланном 3 июля председателю следственной комиссии за подписью префекта полиции⁵³.

Спрашивается, считать ли эти два клуба различными организациями или одной и той же организацией, только с двумя более или менее сходными названиями? В пользу второго предположения говорит то обстоятельство, что в документе, составленном на основании специального расследования дела о восстании в Бельвиле, упомянуты только три клуба, игравших заметную роль в событиях: «Клуб монтаньяров Бельвиля», «Клуб трудящихся Бельвиля», «Демократический и социальный клуб Бельвиля». Ясно, что этот последний клуб — та же организация, что и организация, именуемая в некоторых документах «Клуб демократов Бельвиля». Не мог же следователь, работавший в Бельвиле в течение двух месяцев, проглядеть существование там целого клуба. А то обстоятельство, что в одних источниках председатель данного клуба именуется Сюше, а в других Маспе, объясняется, вероятно, тем, что председатели менялись.

О «Клубе трудящихся» Гуа замечает, что он собирався сперва в здании школы, иногда под председательством помощника мэра Лепё, а позже в доме некоего Денуайе, под председательством инспектора национальных мастерских, капитана национальной гвардии Пулле (Poullet), в прошлом мастера по разрисовке фарфоровой посуды, оказавшегося безработным после февральской революции. По словам Гуа, Пулле пользовался «громад-

⁴⁹ A. L u c a s. Op. cit., p. 66—68, 85. В этом списке Фанферно значится как «издатель в Бельвиле», проживающий в доме № 27 по Парижской улице.

⁵⁰ A. L u c a s. Op. cit., p. 66.

⁵¹ G o u. Op. cit., p. 7—8.

⁵² A. L u c a s. Op. cit., p. 85.

⁵³ Rapport de la Commission d'enquête..., t. II, p. 128.

ным влиянием среди рабочих», хотя тот же Гуа называет его человеком «недалекого ума» и утверждает, что он играл будто бы «двойственную роль».

Остановливаясь на вопросе о социальном положении арестованных инсургентов Бельвиля, следователь подчеркивает, что почти все они «принадлежали к национальным мастерским»⁵⁴. Критикуя создание этих мастерских, он отмечает огромный приток в них не только безработных рабочих, но и людей без определенных занятий. Сначала, указывает он, в национальных мастерских Бельвиля было 400 человек, но вскоре их численность удвоилась, а в дальнейшем дошла до 5 тыс. Обвиняя Лепё в том, что он всячески угрожал им и добивался их вооружения, Гуа рассказывает, что помощник мэра потерял среди них всякую популярность после того, как однажды обрушился на людей, которые жаловались, что они голодают, с грубыми, вызывающими словами: «Ну что ж! Подтяните животы!»

Основная часть доклада Гуа посвящена описанию событий, происходивших 23—26 июня. Как только в Бельвиле стало известно о вспыхнувшем в столице восстании, в различных пунктах этой коммуны были возведены баррикады; группы повстанцев обходили дома, забирая у жителей оружие, а также железо, свинец, олово, которые могли пригодиться для производства снарядов. Буржуазные элементы трусливо отсиживались дома: из 5 тыс. национальных гвардейцев Бельвиля в мэрию явились по тревоге только 200 человек. Мэр Вилен и подполковник Перье во главе отряда из 60 человек двинулись к бельвильской заставе, чтобы завладеть воздвигнутой там баррикадой, но им преградили путь люди, защищавшие эту баррикаду; они заявляли, что не намерены стрелять в кого бы то ни было, но не пропустят в Париж отряд, который направляется туда, чтобы «стрелять в их братьев». Такую же позицию занял помощник командира национальной гвардии Бельвиля капитан Вино (Vinot). Мэру пришлось увести обратно свою колонну.

В ночь на 24 июня войска, прибывшие из Парижа, разрушили все баррикады Бельвиля, а затем удалились, не оставив в Бельвиле ни одного батальона и не выставив охраны даже у здания мэрии. Это упущение, отмечает Гуа, привело к тому, что на следующий день повстанцы смогли возвести новые баррикады, притом в количестве, которое в три раза превышало количество разрушенных баррикад⁵⁵.

Рано утром 25 июня отряд повстанцев, насчитывавший 300—400 человек (по-видимому, из числа членов «Клуба монпаньяров»), захватил мэрию, завладел имевшимся там оружием и боеприпасами (за исключением двух бочонков с порохом, которые накануне были доставлены в мэрию и ночью тайком зарыты в ее саду). Паролем и лозунгом восстания служили слова: «Марк Коссидьер. Демократическая и социальная республика». «Инсургенты, — рассказывает Гуа, — изготовляли патроны, лили пули, открыто готовились к бою с уверенностью в победе. Их уверяли, что солдаты братаются с рабочими». Дальше идет обычная клевета на революционных пролетариев, будто они заранее делили между собой особняки буржуазии, отмечали дома, которые собирались сжечь, и выбирали людей, которых грозили расстрелять. Но, как признает далее следователь, дело ограничилось реквизициями продуктов у вино торговцев, булочников, мясников и колбасников.

Хотя восставшие рабочие были в этот момент фактически хозяевами Бельвиля, они не арестовали ни мэра, ни комиссара полиции, ни других должностных лиц коммуны. Последствия этой оплошности сказались уже на следующий день, когда по приказу мэра защитники «порядка» разрушили баррикаду, сооруженную около здания мэрии. Как только об этом стало известно в Менльмонтане, 300 вооруженных членов «Клуба мон-

⁵⁴ С о у. Op. cit., p. 9.

⁵⁵ Ibid., p. 14—16.

таньяров» во главе с Готье, Сен-Дени, Фово и некоторыми другими последовали к мэрии и добились того, что баррикада была немедленно восстановлена. Готье заявил, что он берет в свои руки все управление Бельвилем. Мэр, его помощники и служащие мэрии были прогнаны, за исключением секретаря Курти, которого оставили для ведения текущих дел; комиссар полиции Габлото был взят под стражу.

Следователь высказывает предположение, что Готье вел «двойную игру», стараясь выиграть время. Приказав грозным топом одному из заместителей мэра произвести обыск во всех помещениях мэрии, где могло быть спрятано оружие, он сказал ему шепотом: «Покажите им только те комнаты, где нет оружия». Проходя мимо комиссара полиции, он шепнул ему: «Они верят, что я заодно с ними, а я хочу, чтобы рабочие потерпели поражение, и надеюсь, что через два часа все будет кончено»⁵⁶.

26 июня было последним днем восстания в Париже. В тот же день окончилась вооруженная борьба и в Бельвиле. Правительственные войска, отряды мобилей и батальоны национальной гвардии Парижа со всех сторон окружили Бельвиль. Восставшие рабочие оказали упорное сопротивление войскам, которым пришлось, как отмечает следователь, «преследовать инсургентов с одной баррикады на другую, вплоть до укреплений...»⁵⁷. В Менильмонтане около 4 часов дня была сделана попытка добиться перемирия. Герино, который руководил борьбой революционеров в этом квартале, был послан в качестве парламентаря к генералу Ламорисьеру с предложением прекратить огонь до 9 часов утра следующего дня; но это предложение было отвергнуто. Вскоре после этого войска прорвались в Менильмонтан одновременно через заставу и через кладбище Пер-Лашез.

Восстание в Бельвиле было подавлено. Войска заняли мэрию. Подполковник генерального штаба Борель де Бретисель был назначен комендантом бельвильского укрепленного района. В тот же вечер «он приказал произвести обыски во всех подозрительных домах; было изъято большое количество оружия; баррикады были разрушены и даже булыжник мостовой положен на свое место». В итоге боев 100 человек было ранено, 50 убито, 400 взято в плен, 15—20 расстреляно⁵⁸. Таковы были жертвы, понесенные пролетариями Бельвиля в результате вооруженной борьбы. За этим последовали роспуск национальных мастерских и разоружение национальной гвардии Бельвиля. В дальнейшем она была частично восстановлена.

По распоряжению Гуа, было произведено 600 арестов; часть арестованных была затем освобождена за недостатком улик, 348 человек оставлены под стражей (в этот счет не вошли 100 человек, арестованных по приказу комиссара полиции, а также 400 участников восстания, захваченных в плен войсками в ходе боев).

Подводя итоги, следователь выражал беспокойство по поводу того, что еще не все инсургенты Бельвиля и других пригородов Парижа арестованы. В частности, он отмечал, что Потье, Колетту, Сен-Дени (Saint-Denis), Бриссону (Brisson), Тебо (Thébault), Анрике (Henriquet), Галлю (Galles), Фанферно, Фелу (Phéloux), Бошà (Boschat) и некоторым другим «вожакам восстания» удалось скрыться. Из них Бошà, добавляя Гуа, в дальнейшем был задержан⁵⁹.

Задержан был и Галль; его осудили к пожизненной каторге. К каторжным работам на 20 лет был приговорен и Герино, бывший, как мы видели, одним из виднейших руководителей восстания пролетариев Бельвиля. На заседаниях 2-го военного суда 27—29 октября 1848 г., на которых рас-

⁵⁶ Ibid., p. 18—22.

⁵⁷ Ibid., p. 23.

⁵⁸ Ibid., p. 24—25.

⁵⁹ Ibid., p. 30—31.

считалось дело группы руководителей восстания в Бельвиле, в Мениль-монтане и в предместье Тамплъ, Герино проявил большую стойкость. Он не отрицал того, что принимал активное участие в вооруженной борьбе и командовал отрядом монтаньяров Бельвиля, присоединившихся к парижским повстанцам. С возмущением и гневом бросил он в лицо судьям полные горечи слова: «Когда в февральские дни я сражался за Республику, я, конечно, не предполагал, видя ее восходящую звезду, что через несколько месяцев люди без стыда и совести, которые прячутся в момент опасности, смогут, сбросив маску, привлечь меня к суду военного трибунала вместе с двумя женщинами, рядом с 70-летней старухой». Он подчеркнул, что репрессии, осуществленные после июньского восстания 1848 г., превзошли по своей жестокости репрессии, примененные к участникам восстаний 1832 и 1834 гг., что тогда не судили ни старух, ни женщин с грудными детьми на руках⁶⁰.

В заключение своего доклада Гуа приводил текст благодарственного письма, полученного им от «именитых жителей Бельвиля»; под этим документом стояло около ста подписей, заверенных председателем Муниципальной комиссии Шомоном. Ссылался Гуа также на одобрение его действий генералом Бертрамом, председателем центральной военно-следственной комиссии об июньском восстании⁶¹.

Тем не менее брошюра Гуа вызвала ряд возражений со стороны некоторых очевидцев-буржуа. С возражениями выступил, прежде всего, помощник мэра Бельвиля — Лепё, арестованный по подозрению в связях с повстанцами, а затем выпущенный на свободу. В своем «Ответе на доклад капитана Гуа» Лепё оправдывался и доказывал, что он действовал исключительно в интересах дела «порядка»⁶². Со своей стороны, другой помощник мэра Бельвиля, подполковник 1-го легиона национальной гвардии пригородов Парижа Перье, лично задетый в брошюре Гуа, опубликовал брошюру, в которой пытался опровергнуть утверждения обоих авторов и обличить их в неверном освещении и даже искажении фактов⁶³.

Из 22 страниц брошюры Перье более 18 посвящено критическому разбору брошюры Гуа. Перье обвиняет следователя в невежестве, в противоречивых суждениях, в плохом знании окрестностей Парижа, в преувеличении роли бельвильских клубов, в незаслуженных упреках по адресу национальной гвардии Бельвиля и т. д.

Переходя к описанию июньских событий в Бельвиле, данному в докладе Гуа, Перье утверждает, что его упреки в бездействии, проявленном якобы мэром и им, Перье, и в уступчивости по отношению к повстанцам лишены всякого основания, и указывает, что оба они вынуждены были действовать с большой осторожностью во избежание кровопролития. «Вы называете позорной комедией исполненное мудрости решение, вы предпочли бы кровавую драму», — с возмущением заявляет Перье⁶⁴. Упрекает он Гуа и в том, что тот умалчивает, кто дал приказ зарыть в саду мэрии бочонки с порохом, которыми могли воспользоваться инсургенты. Перье заявляет, что это сделал он. Он выражает сомнение в достоверности многих утверждений Гуа, попросту высмеивает как нелепую выдумку его рассказ о том, что повстанцы намеревались завладеть домом одного частного владельца, что они готовились к поджогам и убийствам. Ведь сам же

⁶⁰ «Gazette des tribunaux», 27, 28, 29 octobre 1848, p. 1259, 1262, 1267.

⁶¹ G o y. Op. cit., p. 33—34.

⁶² Un mot de réponse au Rapport du capitaine Goy de M. Lepeut, ancien adjoint (рукопись).

⁶³ Réfutation du Rapport du capitaine Goy, capitaine de voltigeurs au 45e de ligne, instructeur-délégué pour Belleville et ses environs, sur l'Insurrection de Belleville pendant les Journées de Juin, et du Mot de réponse de M. Lepeut, ancien adjoint, par B. A. S. Périer, ancien adjoint au maire de Belleville, lieutenant-colonel de la 1re légion de la Banlieue. Belleville 1848.

⁶⁴ B. A. S. Périer. Réfutation du Rapport du capitaine Goy..., p. 9.

следователь, замечает Перье, признаёт, что за все эти данные в Бельвиле не было совершено «ни одного акта личной мести»⁶⁵.

В заключение Перье утверждает, что Гуа был отозван из Бельвиля потому, что явно переусердствовал, арестовав много ни в чем не повинных людей, которые затем были освобождены по приказу властей⁶⁶.

Вероятно, так оно и было в действительности.

Разбирая ответ Лепё на брошюру Гуа, Перье обвиняет бывшего помощника мэра Бельвиля в непомерном честолюбии, в стремлении выпятить свою личную роль, преувеличить свои заслуги в защите режима «разумной и умеренной Республики», умалить или даже вовсе замолчать действия других представителей местной власти, направленные к той же цели⁶⁷.

Общее впечатление, которое оставляют все три документа — «Доклад» капитана-следователя Гуа, «Ответ» помощника мэра Лепё, «Опровержение» подполковника национальной гвардии Перье, сводится к тому, что их авторы стремились оправдать свое поведение в глазах буржуазной части населения Бельвиля и Парижа, в глазах правительства буржуазной республики, подчеркнуть свои «заслуги» в деле борьбы против революционного движения трудящихся масс. При этом каждый из них старался приписать себе одному «честь» принятия тех или иных мер против рабочих и демократов бельвильской коммуны и уличить своих коллег в бездействии, нераспорядительности, трусости.

Оправдывался в своих действиях и мэр Бельвиля Пьер-Огюстен Вилен, явившийся 3 июля в следственную комиссию в сопровождении полковника и подполковника национальной гвардии бельвильской коммуны. В своих показаниях мэр и оба офицера подчеркивали, что «все их усилия были направлены на то, чтобы избежать кровопролития», отмечали, что у них было «очень мало национальных гвардейцев, оставшихся на своем посту», жаловались на то, что после ухода батальона пехоты они не получали никаких подкреплений из Парижа, уверяли, что они были совершенно бессильны и потому вынуждены уступить требованиям повстанцев. «Весь Бельвиль находился во власти инсургентов», — указывал мэр. Описывая захват мэрии, он признавал, что под угрозой смерти выдал инсургентам хранившиеся там оружие и боеприпасы, в том числе два бочонка с порохом, зарытые в землю накануне⁶⁸.

В этом пункте показания Вилена расходятся с позднейшими показаниями Гуа, Перье и Лепё, утверждавших, что этот порох не достался инсургентам. Вызывает удивление то обстоятельство, что Перье ничего не возразил против этого утверждения мэра в тот момент, когда он давал свои показания следственной комиссии. Недостаток документов не позволяет нам выяснить с полной точностью этот факт. С другой стороны, следует отметить, что Вилен, видимо, несколько преуменьшил количество ружей, захваченных повстанцами в здании мэрии: он сказал, что там было примерно 250 ружей (другие источники определяют их количество в 1500⁶⁹).

Документы показывают, что даже через два месяца после восстания пролетарии Бельвиля (как и Монмартра и многих других пригородов Парижа) продолжали вызывать острую тревогу среди буржуазной части населения этой коммуны.

⁶⁵ Ibid., p. 11—13.

⁶⁶ Ibid., p. 20.

⁶⁷ Ibid., p. 23—24.

⁶⁸ Rapport de la Commission d'enquête..., t. I, p. 367—368 (Déposition de M. Vilin, Pierre-Augustin, maire de Belleville, le colonel et le lieutenant-colonel de la garde nationale de Belleville, 3 juillet).

⁶⁹ Arch. nat. C 935. VIIIe dossier, liasse N 1. 3323. A Belleville. Henry Pinel, agent d'affaires.

Памятником этой тревоги является неизданное письмо уполномоченного центральной военно-следственной комиссии от 22 августа 1848 г. главному прокурору парижской судебной палаты Корну. Подчеркивая, что Бельвиль «был одним из важнейших очагов восстания» и что «из 7 тысяч национальных гвардейцев» этой коммуны в нем приняли участие «по меньшей мере 3 тысячи», автор письма выражал беспокойство по поводу того, что ни в самом Бельвиле, ни в предместье Тампль нет никаких вооруженных сил, которые могли бы защитить «благонамеренных граждан» (читай: буржуа), помогавших в восстановлении «порядка», от мести со стороны революционно настроенных элементов. Власти не в состоянии справиться с сильным возбуждением, царящим среди местных рабочих, и защитить от их угроз инженера, руководящего их работой. Письмо заканчивалось просьбой возбудить перед военным министром ходатайство о присылке в Бельвиль нескольких рот пехоты или хотя бы 400—500 ружей, которые будут розданы «только надежным людям»⁷⁰.

На следующий день (23 августа) главный прокурор направил один экземпляр этого донесения префекту полиции, а другой — министру юстиции. В препроводительном письме к последнему Корн подчеркивал необходимость «осуществить некоторый разворот военных сил в Бельвиле и в предместье Тампль», с тем чтобы их присутствие способствовало задержанию «подозрительных лиц» и парализовало агитацию, которую ведут бывшие участники и руководители восстания, скрывшиеся от преследований полиции, но теперь снова появившиеся «в своих кварталах», где они распространяют «ужасное беспокойство»⁷¹.

VI

До сих пор в нашем рассказе речь шла только о революционных выступлениях в северных, северо-восточных и восточных пригородах Парижа. Но и в окрестностях, расположенных к югу и западу от столицы, имели место попытки поддержать — в той или иной форме — восставших рабочих Парижа.

В промышленно развитом *Иври*, находящемся к юго-востоку от столицы, особенно активное участие в июньских событиях приняли рабочие и служащие местной железнодорожной станции. Один из свидетелей, инженер Соваж, рассказывал потом членам следственной комиссии, что, опасаясь возникновения волнений в связи с пачавшимся закрытием национальных мастерских, он добился присылки в Иври 300 национальных гвардейцев, а затем одного батальона 37-го пехотного полка из Корбейля. Несмотря на это, восставшие рабочие Иври все же заняли подступы к вокзалу и завалили рельсы камнями. Это было сделано с целью помешать переброске в Париж 21-го пехотного полка и других воинских частей, затребованных правительством. Национальные гвардейцы поспешили на помощь отряду солдат, вступившему в схватку с повстанцами, и захватили возведенную ими баррикаду. Рельсы были очищены от камней, и очередной поезд без помехи прошел через станцию. Но затем сообщение снова временно было прервано. Утром 26 июня группа рабочих, механиков, машинистов (начальник депо Селлерье, механик Год, машинист Фликотт, монтер Ламп и др.) отправила из Иври паровоз с 9 пассажирами, который развил большую скорость. Соваж не указывает, куда направлялись эти люди.

Другой свидетель, Марк, утверждал, что паровоз увозил людей, участвовавших в восстании в Париже и пытавшихся скрыться от пресле-

⁷⁰ Arch. nat. BB¹⁸ 1465^A plaq. N 1. Commission militaire de l'Enquête. Centralisation au Palais de Justice. Paris, le 22 août 1848. Délégue par la Commission militaire.

⁷¹ Arch. nat. BB¹⁸ 1465^A plaq. N 1. Le procureur général de la Cour d'appel de Paris Corne. A Monsieur le Ministre de la Justice. Paris, le 23 août 1848.

дований полиции; он добавлял, что «было условлено с машинистом не останавливаться, несмотря на сигналы». Тот же Марк рассказывал, что за два дня до того (24 июня) паровоз, на котором находилось несколько вооруженных людей, направился к соседней станции Шуази-ле-Руа, чтобы передать ее начальнику приказ не пропускать никого в сторону Парижа⁷².

С возмущением отмечая тот факт, что рабочие железнодорожных мастерских в Иври, которых, по его словам, насчитывалось до 500, приняли почти поголовное участие в революционном восстании, Соваж указывал, что они получают высокую заработную плату: рабочие в среднем по 5 франков, механики — более 12 франков в день (идейных мотивов, которыми руководствовались в своих действиях железнодорожники Иври, Соваж, как видно, не признавал).

Дополнительные сведения о событиях, имевших место в июньские дни 1848 г. на железной дороге в Иври, находим в неизданном документе, сохранившемся в бумагах следственной комиссии. Из этого документа вытекает, что 24-го вечером Соваж увидел на путях два локомотива, охранявшихся (каждый) 12—15 вооруженными людьми. Они были поставлены там, вероятно, для того, чтобы преградить воинским эшелонам движение в сторону Парижа. В том же документе отмечается, что в руках революционеров Иври находилось в этот момент «все учреждения железнодорожной компании на этом участке». Там же говорится, что паровоз, отправленный восставшими 26 июня, прошел, не обращая внимания на сигналы и не делая остановок, до Этампа; здесь находившиеся на паровозе люди позавтракали, а затем выехали с обратным поездом в Орлеан. В том же документе указывается, что «большинство рабочих в мастерских и на вокзале численностью в 700—800 человек примкнуло к восстанию», что машинисты Иври состояли в профессиональном объединении «Братское общество», что один из служащих канцелярии, Пуэнсиньон (Pointsignon), был начальником баррикады на улице Бюффона, что в Иври вожаками являлись служащие товарной станции Шапон (Charon), Аро (Harault), начальник депо Селлерье (Sellerier), машинисты Лаперш (Laperche) и Лоскен (Lauskin), а в депо Этампа железнодорожники Лами (Lamy) и Майош (Mailloche)⁷³. С некоторыми из этих фамилий мы уже встречались выше, разбирая показания Соважа перед следственной комиссией.

Интересные подробности о выступлении железнодорожных рабочих и служащих станции Иври вскрылись на судебном процессе, где разбиралось дело Шапона, который являлся одновременно и железнодорожным служащим и офицером 12-го легиона национальной гвардии.

Соваж рассказал здесь то же, что и перед следственной комиссией. Другой свидетель, капитан мобильной гвардии Брене, сообщил, что 24 июня около полудня он и его отряд встретили на стратегической дороге группу вооруженных людей, во главе которой находились Шапон и Бом (Baumes). Мобили приготовились к бою, но дело не дошло до вооруженного столкновения. Шапон и Бом заявили Брене, что «они решили не впускать войска в Париж»; они добавили, что в Париже «мобильная гвардия и национальная гвардия братаются с народом», что «происходит то же, что и в февральские дни», что восставшие рабочие «одержали победу и захватили Ратушу». Свидетель Бурдело, говоря о событиях, разыгравшихся на станции 24 июня, рассказал следующее: «Бом повел нас на улицу Шевале, чтобы помешать 21-му полку вступить в Париж. Он приблизился к полковнику и сказал ему, что если тот будет упорство-

⁷² Rapport de la Commission d'enquête..., t. I, p. 347—348 (Déposition de MM. Sauvage et Marc).

⁷³ Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier, liasse N 1. 3380. Faits relatifs au chemin d'Orleans. Le service a été interrompu le samedi 24.

вать в своем намерении вступить в город, он найдет у заставы 6 тыс. человек. Тогда полковник избрал другое направление. Мы возвратились на свой пост. Капитан Шапон приказал нам зарядить ружья. Помощник капитана Шапуляр тоже несколько раз приходил туда. Он говорил нам, что дела идут хорошо, что рабочие взяли верх, что Коссидьер и Луи Блаи находятся в Ратуше).

Эти показания говорят о том, что восставшие рабочие Иври были уверены в победе восстания в Париже, и вместе с тем свидетельствуют о том, как плохо были они осведомлены о ходе боев и как сильно ошибались в своих расчетах на упомянутых выше политических деятелей мелкобуржуазного направления (впрочем, ошибались в этом и многие другие участники июньского восстания). Свидетель Ленуар заявил, что «Шапон — ярый коммунист», что «он принадлежит к клике Распайля». Свидетель Озани привел интересную деталь. «Когда поезд с войсками был замечен, — рассказывал он, — банда инсургентов завладела диском, служащим для подачи сигналов, и повернула его на *красный цвет*, чтобы остановить поезд. Я перевел его на *белый цвет*, но мне пригрозили, что если я еще раз прикоснусь к диску, меня пристрелят из ружья»⁷⁴.

Есть основание полагать, что рельсы были разобраны не только на станции Иври, но и у станции Сен-Дени. Об этом сообщал 23 июня в письме к членам Исполнительной комиссии начальник главного почтового управления Этьен Араго, указывавший, что это может вызвать небольшую задержку в отправке почты; Араго добавлял, что он послал туда служащего, хорошо знакомого с делом, и что, если понадобится, он отправит депеши «специальным поездом»⁷⁵.

О том же происшествии сообщил в тот же день Кавеньяку мэр 3-го округа Марселен, отмечавший, что железнодорожный путь разобран у моста Маркаде. «Следовало бы тотчас же выслать на это место отряд кавалерии и отряд пехоты, — писал испуганный мэр. — Нельзя терять ни одного мгновения»⁷⁶.

О немедленной присылке войск для восстановления прерванного сообщения по Северной железной дороге просил также в письме к генеральному секретарю Исполнительной комиссии один из крупнейших финансистов и железнодорожных магнатов Жакоб Эмиль Перейра. Он указывал, что в коммуне Ла-Шапель возведены баррикады, начато разрушение железнодорожных мостов, прервано движение поездов. «Мы приняли меры для защиты Руанской и Сен-Жерменской железной дороги, — подчеркивал он, — и обращаем ваше внимание на этот участок...»⁷⁷.

После подавления июньского восстания в Иври была проведена «чистка» личного состава железнодорожных механиков и конторских служащих. «Теперь я более сложен», — говорил следственной комиссии Соваж. Однако буржуазные слои населения этой коммуны продолжали выражать серьезное беспокойство и жаловаться на бездействие властей. В письме, адресованном следственной комиссии «от имени жителей коммуны Иври», двое из них, Эжен Безансон и Ал. Буве, утверждали, что местная полиция не выполняет своего долга и не принимает решительных мер по отноше-

⁷⁴ Procès des insurgés des 23, 24, 25 et 26 juin 1848 devant les conseils de guerre de la première division militaire, avec un exposé de l'insurrection et le portrait des principaux accusés. Publié par des sténographes de l'Assemblée nationale. Revu par un avocat à la Cour d'appel. Première section, contenant les causes soumises au 1er conseil de guerre. Paris, 1848, p. 95—96.

⁷⁵ Arch. nat. C 934. Commission d'enquête. 2549. Le 23 juin 1848. La direction de l'administration générale des Postes, Etienne Arago. Aux citoyens membres de la Commission exécutive.

⁷⁶ Arch. nat. C 934. Commission d'enquête. 2562. Paris, 23 juin 1848, 6 h. 1/4. Mairie du troisième arrondissement. Au citoyen Ministre de la guerre. Le maire Marcelin.

⁷⁷ Arch. nat. C 934. Commission d'enquête, 11e dossier. 2599. Monsieur le secrétaire général de la Commission exécutive. J. Pereire.

нию к лицам, участвовавшим в восстании. Если эти меры не будут приняты, заявляли Безансон и Буве, «честные граждане не смогут больше оставаться тут»⁷⁸. В другом письме, направленном префекту полиции, указывалось, что «в Иври и в Шуази-ле-Руа разрушение осуществляется очень плохо», «домашние обыски не проводятся»^{78а}.

VII

«В Эссонне прозвучал сочувственный отзыв тому, что в больших размерах разыгрывалось в Париже», — писал в 1906 г. в своей книге «Республика 1848 г.» французский историк-социалист реформистского направления, один из основателей и главный редактор «Бюллетеня Общества истории революции 1848 г.» Жорж Ренар⁷⁹. С тех пор, как были написаны эти слова, прошло почти 60 лет, но революционные события, происшедшие в июньские дни 1848 г. в промышленно развитом городке Эссонн, расположенном близ Фонтенбло, к юго-востоку от Парижа, до сих пор не изучены в исторической литературе.

Неизданные документы парижского Национального архива, а также некоторые печатные источники проливают свет на это дело. «В ночь с 23 на 24 июня, — писал 1 июля префект департамента Сена и Марна в своем докладе следственной комиссии, — подкомиссия в Корбейле обратилась за помощью. Восставшие рабочие Эссонна возвели баррикады на дороге, ведущей из Фонтенбло, чтобы помешать продвижению войск, которые направлялись в Париж. Префект попросил генерала немедленно выслать два эскадрона карабинеров, чтобы обеспечить свободу сообщений. К утру 24-го эти войска прибыли в Эссонн, порядок там был восстановлен, и баррикады были разрушены самими гражданами»⁸⁰.

Это краткое сообщение можно уточнить и дополнить на основании неизданного доклада главного прокурора парижского судебного округа Корна министру юстиции Мари от 26 июня. В этом докладе приведен текст депеши, посланной прокурору Корну супрефектом округа Корбейль, Серэ, в связи с событиями, происшедшими в Эссонне. Поздно вечером 23 июня Серэ вызвал к себе следователя и прокурора округа и сообщил им, что «вооруженное собрание, состоявшее примерно из 30 человек, возвело в Эссонне несколько баррикад с целью помешать полку, принадлежащему к гарнизону Фонтенбло, отправиться в Париж». Все три представителя власти тотчас же направились в Эссонн, чтобы восстановить там «порядок», но супрефект уговорил их предварительно зайти в мэрию и обсудить с мэром Ферэ, какие меры следует предпринять. Следователь и прокурор предложили созвать местную национальную гвардию и поручить ей ликвидацию баррикад. Мэр высказался против этого предложения и заметил, что «при существующих обстоятельствах нельзя рассчитывать на национальную гвардию, что она может отказаться выступить с оружием в руках против участников собрания». Приглашенные на совещание офицеры национальной гвардии подтвердили слова мэра. Тогда супрефект предложил вызвать войска. Это предложение было принято, после чего собравшиеся в мэрии представители власти разошлись.

Утром следующего дня супрефект известил следователя и прокурора, что он ожидает прибытия из Фонтенбло двух эскадронов карабинеров. Он добавил, что двое участников выступления в Эссонне явились к нему и пообещали разрушить баррикады при условии освобождения двух других участников, арестованных накануне; супрефект согласился на это «во избежание столкновения». Тем временем в Эссонн прибыли два эскадрона

⁷⁸ Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier, liasse N 1. 3099.

^{78а} Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier, liasse N 1. 3379.

⁷⁹ G. Renard. La République de 1848—1852. Paris, [1905], p. 87.

⁸⁰ Rapport de la Commission d'enquête..., t. III, p. 109.

карабинеров и остановились «на небольшом расстоянии от баррикад». Решено было не начинать действий против защитников баррикад до тех пор, пока не выяснится результат их переговоров с супрефектом. После того как двое арестованных накануне участников событий были освобождены, «баррикады были уничтожены, мятежники рассеялись и войска удаллись»⁸¹.

Так выглядит этот эпизод в описании супрефекта Корбейля, пересланном министру юстиции главным прокурором. Все характерно в этом документе — и страх, вызванный среди представителей гражданской и судебной власти выступлением кучки жителей Эссонна, насчитывавшей три десятка человек, и колебания среди местной национальной гвардии, и вызов значительного отряда правительственных войск для подавления «мятежа», и первоначальная уступчивость супрефекта требованию восставших освободить двух их арестованных товарищей. Характерны и заключительные слова главного прокурора. «Супрефект, — сообщал он, — высказал прокурору Республики просьбу, чтобы расследование этого дела было начато только через несколько дней, из опасения новых беспорядков. Мой заместитель счел возможным временно согласиться с этим предложением и обратился ко мне с запросом, что ему следует делать. Я приказал ему немедленно приступить к сбору информации и выяснить, имело ли это выступление какие-либо связи с восстанием в Париже».

Дополнительные данные о том, как протекали события в Эссонне, появились в печати 31 августа (ко времени суда над участниками этих событий). Из опубликованных тогда материалов следствия видно, что «главными зачинщиками» выступления были следующие 7 жителей городка: Эгре (Egret), Шаролле (Charollet), Тенэс (Tenès), Франсуа Жолливе (Jollivet), Труве (Trouvé), Симон Мёнье (Meunier) и Виктор Сонье (Saunier). Им удалось привлечь на свою сторону до 150 человек, многие из которых были вооружены. Старания мэра, который в сопровождении своего помощника и нескольких муниципальных советников поспешил к месту действия, чтобы уговорить собравшихся разойтись, потерпели неудачу. Раздобыв топоры, пилу и ломы, группа участников выступления стала разбирать мостовую, валить деревья и строить баррикаду, над которой было водружено знамя (по одним данным — красное, по другим — трехцветное).

Тщетно пытались представители власти помешать постройке баррикады. Труве и Жолливе кричали помощнику мэра Ленуару, что это он повинен в нищете рабочих, что он предал их интересы и что они не намерены подчиняться ему. Прибывший на место действия патруль был прогнан. Отправившийся за подкреплениями мэр возвратился во главе отряда национальных гвардейцев, но они отказались пустить в ход оружие, чтобы разогнать защитников баррикады, число которых достигло к этому времени 300. После этого мэр отвел свой отряд в Эссонн, выставив вооруженный заслон между городом и баррикадой. Ее защитникам было предложено прекратить дальнейшее сопротивление, но они ответили, что сделают это лишь после того, как власти освободят двух арестованных — Ильтера (Hilter) и Тьерри (Thierry) — и дадут обещание, что не применят никаких репрессий против участников выступления. Супрефект потребовал, чтобы повстанцы сперва разрушили баррикаду.

Тогда, по указанию Эгре, пользовавшегося, по-видимому, большим влиянием среди революционно настроенных жителей Эссонна, они задержали трех муниципальных советников и пригрозили расстрелять двух из них, если по прошествии часа власти не освободят Ильтера и Тьерри. Супрефекту пришлось уступить. После того как оба они были освобождены,

⁸¹ Arch. nat. BB¹⁸ 1465^A plaq. N 2, pièce 2. Parquet de la Cour d'appel de Paris. Cabinet du Procureur général. 4442. Le 26 Juin 1848. A Monsieur le Ministre de la Justice.

баррикада была разрушена, и ее защитники во главе с Эгре и Жуанно (Joannot) вступили в Эссонн с развернутым знаменем⁸².

Но на этом дело не кончилось. 25 июня в Эссонне распространился слух, что готовится новое революционное выступление против властей и богачей. 26 июня, узнав, что власти вызвали из Фонтенбло новый эскадрон карабинеров, Мёнье, принимавший активное участие в событиях 23 июня, и Букрё сделали новую попытку поднять восстание в Эссонне. «Надо, — заявляли они, — построить баррикады, взорвать мост, преградить путь войскам; нам нужны патроны, и, если нам их не дадут, мы сожжем и уничтожим все». Некий Генен сказал комиссару полиции, что он идет за инструментами, чтобы с их помощью разрушить мост, и пригласил одного из своих товарищей пойти вместе с ним. Прибытие отряда карабинеров положило конец выступлению.

27 июня, т. е. уже на следующий день после подавления восстания в Париже, следователь и прокурор Корбейля приступили к производству арестов и обысков в домах участников эссонских событий⁸³.

31 августа, после четырехдневного разбирательства, суд присяжных департамента Сена и Уаза закончил рассмотрение дела о попытке восстания в Эссонне 23 июня и вынес решение по этому делу. Из 65 человек, привлеченных к ответственности за участие в этих событиях, 25 были приговорены к тюремному заключению на различные сроки от трех месяцев до двух лет. Остальные были оправданы либо за недостатком улик, либо с учетом смягчающих вину обстоятельств (многие из них уже отбыли два месяца предварительного заключения, многие повинны были лишь в постройке баррикад, многие никогда не судились, некоторым было только 16—17 лет)⁸⁴.

VIII

В некоторых пригородных коммунах революционно настроенные жители не смогли по тем или иным причинам поднять восстание против правительства, но они все же достаточно ясно выразили свое отношение к событиям в Париже. Так было, например, в коммуне *Клиши-ла-Гаренн*, расположенной к северо-западу от Батиньоля. В неизданной анонимной записке на имя депутата Учредительного собрания Бадена указывалось, что 23 июня из 900 человек, которые насчитывал батальон местной национальной гвардии, по сигналу тревоги собралось только 67 человек, да и то далеко не все из них были настроены в пользу правительства. На следующий день собралось уже более 150 национальных гвардейцев, но когда было объявлено, что их собрали для того, чтобы направить в Париж, в распоряжение военного командования, их численность уменьшилась наполовину, так как многие категорически отказались принять участие в этом походе. В результате мэр Клиши-ла-Гаренн смог привести с собой в столицу на помощь правительству только 75 человек. Подчеркивая все значение этого факта, автор записки доказывал необходимость «полного разоружения батальона Клиши» и утверждал, что этого требуют все «честные граждане» этой коммуны. Записка заканчивалась указанием, что «масса инсургентов укрывается в этой коммуне»⁸⁵.

Автор другой анонимной записки, поступившей в следственную комиссию несколько позже, требовал смещения мэра Клиши, Фуке. В записке указывалось, что Фуке нельзя доверять, ибо до июльской революции он служил при дворе Карла X, а после февральской революции являлся

⁸² «Gazette des tribunaux», 31 août 1848.

⁸³ Arch. nat. BB³⁰ 363, liasse N 3, pièce N 458. Parquet de la Cour d'appel de Paris, N du départ 5523. Paris, le 3 août 1848. A Monsieur le Ministre de la Justice.

⁸⁴ «Gazette des tribunaux», 1 septembre 1848.

⁸⁵ Arch. nat. C. 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier, liasse N 1. 3436 Communique à M. Badin, Représentant du peuple.

с рабочими национальных мастерских и в то же время поддерживает дружеские связи с членом местного муниципального совета и председателем местного клуба Бюиссоном, выходящем из дворянской семьи с легитимистскими традициями. В дни июньского восстания этот последний вел себя настолько подозрительно, что командующий отрядом национальной гвардии, направленный из Клиши в столицу, предложил ему оставить отряд (после этого Бюиссона видели якобы в Батиньоле, где, по слухам, он раздавал деньги рабочим). Указывая, что имеются люди, которые могут подвергнуть все сообщаемые им сведения, автор записки утверждал, что разоружение неблагонадежных лиц, проведенное в Клиши, «было только комедией», поскольку Фуке «возвратил ружья почти всем тем, у кого они были ранее отняты, в частности лицам, о которых говорят, что они присоединились к повстанцам»⁸⁶.

Намек на происки легитимистов, который сквозит в этом документе, не должен удивлять нас. Известно, что некоторые сторонники этой монархической партии, мечтавшие о восстановлении во Франции королевской власти и династии Бурбонов, старались затесаться в ряды июньских повстанцев, чтобы использовать восстание в своих антинародных целях. Однако попытки легитимистских агентов вести открытую агитацию в пользу «Генриха V» не имели ни малейшего успеха в рабочей среде.

Интересно письмо на имя председателя следственной комиссии командира 5-го батальона национальной гвардии, размещенного в коммуне *Сен-Морис* (юго-восточный пригород Парижа). Автор этого документа, датированного 7 июля, просил срочно прислать депутата Учредительного собрания или следователя для проведения тщательного расследования среди рабочих этой коммуны и среди рабочих, занятых в национальных мастерских у канала Сен-Мор. Свою просьбу этот офицер (по фамилии Рондо) мотивировал тем, что, по его наблюдениям, эти рабочие ведут себя вызывающе по отношению к хозяевам предприятий и заводов, что они угрожают властям, что «дух мятежа снова даст о себе знать». В письме содержится откровенное признание того факта, что если на всем пространстве от заставы Берси до заставы Пикнюс в июньские дни не было никаких революционных выступлений, то объясняется это присутствием там многочисленных отрядов национальной гвардии, «хорошее поведение» которых «сдержало угрожающе настроенное рабочее население, высказывавшееся за успех восстания». Все же одну роту (из деревни Гравелль) пришлось разоружить, так как из 275 человек, входивших в ее состав, она выставила для участия в охране «порядка» только 8—10 человек⁸⁷.

В коммуны *Курбева*, *Сюрени* и *Пюто*, расположенные в западной и северо-западной части окрестностей Парижа, власти еще 21 июня направили значительные военные силы, чтобы предотвратить там возможность революционных выступлений. Необходимость таких мер префект полиции мотивировал в письме к Кавеньяку тем, что, по полученным им сведениям, многие рабочие, работавшие в этих коммунах, совместно с направленными туда группами рабочих из национальных мастерских Парижа противятся осуществлению декрета о переходе на сдельную оплату труда и отказываются работать на этих новых условиях⁸⁸.

Утром 21 июня среди рабочих Курбева произошли волнения (видимо, именно на этой почве); они были подавлены, после чего было арестовано и препровождено в тюрьму три «вожака»; четвертого задержать не удалось⁸⁹.

⁸⁶ Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. VIIe dossier. 2807. Note sur Clichy-la-Garenne. Fouquet, maire.

⁸⁷ Arch. nat. C. 935. Commission d'enquête. Liasse: Gardes nationaux. 2954. Garde nationale de la Banlieue. Saint-Maurice (Seine), le 7 juillet 1848. Rondot.

⁸⁸ Rapport de la Commission d'enquête..., t. II, p. 241.

⁸⁹ Ibid., p. 245.

28 июня, стало быть, уже после окончания вооруженной борьбы, в Курбеуа имела место стрельба по изолированным национальным гвардейцам; там же было арестовано несколько человек и разоружено несколько гвардейцев, не явившихся в свои части в дни восстания⁹⁰. Начальник штаба 2-го легиона национальной гвардии парижских пригородов Руссель в письме к Кавеньяку сообщал, что в коммунах *Нейи* и Курбеуа произведены обыски в ряде домов и изъято много оружия и боеприпасов, которые предназначались «для дурных целей». «Мне указали, — писал далее Руссель, — на дома, из которых подаются ночные сигналы. Я убедился в том, что это достоверный факт, и предупредил жителей, что если сегодня ночью в окна домов появится свет, по ним тотчас же будет открыт огонь»⁹¹.

Каково было продолжение этого дела, мы не знаем, но эти и другие факты показывают, что даже в тех пригородах, где в июньские дни не произошло открытых революционных выступлений, обстановка была достаточно напряженной и что там имелись люди, не скрывавшие своего враждебного отношения к лагерю буржуазной реакции, своего намерения поддержать восстание в Париже.

Ход событий показал, что только огромное превосходство вооруженных сил правительства обеспечило разгром восстания рабочих Парижа и революционных выступлений за его пределами. Это признавали и сами представители власти. «Военная сила является нашим единственным якорем спасения, — заявлял 10 июля в письме к министру юстиции главный прокурор судебного округа Дижона⁹².

Так рассуждали в этот момент и представители власти в других частях страны, смертельно напуганные грозным восстанием парижского пролетариата и сочувственными откликами, которые оно встретило у трудящихся масс пригородов столицы и ряда провинциальных городов Франции.

Депутат Учредительного собрания Рейбелль разработал целую программу репрессивных мер, которую он изложил в письме от 27 июня председателю следственной комиссии. Эти меры были следующие: одновременные обыски во всех «подозрительных» домах, подвалах, каменоломнях, промышленных предприятиях «в Париже и *пригородах*», «обезоружение всех национальных гвардейцев Парижа и *пригородов*, которые без уважительных причин не явились в свои части, и превентивный арест тех, о ком существует подозрение, что они участвовали в защите баррикад», издание декрета о повсеместном роспуске национальных мастерских, высылка в провинцию рабочих этих мастерских, а также всех бывших заключенных, «немедленное закрытие анархических клубов и запрещение газет того же направления во всех департаментах», «роспуск и реорганизация легионов национальной гвардии в округах и кварталах, которые были захвачены пнсургентами», принятие декретов против клубов и тайных обществ, восстановление птемпельного сбора с газет и других периодических изданий, увеличение численности мобильной гвардии, смещение всех префектов, супрефектов, комиссаров с тем, чтобы новые назначения согласовывались с депутатами Учредительного собрания от соответствующих департаментов, и т. п.⁹³

Среди массы подобных писем, поступавших тогда в Париж со всех концов Франции, данный документ выделяется своим, так сказать, всеобъемлющим характером. Бросается в глаза настойчивое требование Рей-

⁹⁰ «L'Union», 29 juin 1848.

⁹¹ Arch. nat. C 935. liasse: Ministère de la Guerre. VIIIe dossier. 2993. Garde nationale de la Banlieue (Neuilly et Courbevoie). Le major de la 2e légion. Roussel.

⁹² Arch. nat. BB³⁰ 360(3). Cour d'appel de Dijon. Dijon, le 10 juillet 1848.

⁹³ Arch. nat. C 935. Commission d'enquête. 2873. Liasse: Assemblée nationale. Paris ce mardi 27 juin 1848. Reibell, l'un des représentants du département de la Manche.

белля распространить репрессивные меры на *пригороды* Парижа (это слово дважды подчеркнуто в оригинале).

Большая часть этих предложений была принята правительством Кавеньяка и Учредительным собранием. Известно, как жестоко расправилась буржуазия с побежденными рабочими, какие суровые репрессии обрушились на них со стороны военных, гражданских и судебных властей Второй республики, какому систематическому разоружению были подвергнуты рабочие кварталы Парижа и его пригороды, а также рабочие кварталы других городов, какой строгий полицейский контроль был установлен над трудящимися. Дошло до того, что на основании циркуляра министерства внутренних дел, разосланного префектам 6 октября 1848 г., рабочим было запрещено переезжать из одного департамента в другой без паспортов, выданных жандармерией. 16 ноября того же года главным инженерам было предписано следить за подчиненными им рабочими и, в случае надобности, запрещать им принимать «какое бы то ни было участие в банкетах, собраниях и манифестациях, иногда опасных и всегда бесплодных»⁹⁴.

В первые же дни после подавления июньского восстания был поднят вопрос о включении пригородных коммун Парижа в черту города, об их слиянии с ним в одно административное целое.

Комиссар полиции коммуны Ла-Шапель-Сен-Дени мотивировал необходимость такой меры тем, что она позволит усилить полицейский надзор, которого недостает в пригородах⁹⁵.

Прокурор Рамбуэ, бывший член Муниципального совета этой же коммуны, богатый землевладелец Деламар, представил следственной комиссии и Учредительному собранию подробную записку, в которой обосновывал необходимость проведения такой меры. «Июньское восстание 1848 года, — писал он, — совершенно не похоже на восстания, которые ему предшествовали... До сих пор ареной мятежей всегда были центр Парижа и его пародные кварталы, а коммуны, расположенные за пределами стен, образующих линию укреплений Парижа, оставались в стороне от мятежей». Благодаря этому, утверждал Деламар, их благосостояние заметно повысилось, а численность населения увеличилась за 10 лет в десять раз. Провозглашение республики было встречено здесь весьма одобрительно. «К сожалению, — продолжает смертельно напуганный ходом событий автор этой неизданной записки, — в этих коммунах образовались клубы... которым в самый короткий срок удалось привить рабочим массам, составляющим тут большую часть населения, разрушительные идеи, враждебные всякому социальному порядку...» «Увлеченные разрушительными теориями клубистов», проповедовавших, что «собственность — это кража», призывавших к повторению «экспессов 93 года, к неповиновению законам, к восстанию, рабочие «бросили свои мастерские и занялись политикой» (об экономическом кризисе, который привел к закрытию промышленных предприятий, в записке не говорится ни слова).

Описывая положение в пригородах Парижа в дни июньского восстания, Деламар подчеркивает, что их население приняло весьма активное участие в революционных событиях. С тревогой указывает он на то, что «коммунизм ... заразил часть рабочего класса не только в Париже», но и за его пределами. «Страшно подумать, — восклицает Деламар, — что 150 тысяч человек, окружающих Париж со всех сторон, могут в один прекрасный день ... герметически закупорить столицу и подвергнуть ее сильнейшей опасности». Муниципальная администрация пригородных коммун, не связанных между собой, «не может обеспечить городу Парижу безопа-

⁹⁴ G. Renard. Op. cit., p. 87.

⁹⁵ Rapport de la Commission d'enquête..., t. I, p. 369.

ность». Только «полное слияние» этих коммун с Парижем может «обеспечить спокойствие столице и расстроить замыслы мятежников».

В заключение прокурор Рамбуйэ перечислял выгоды, которые принесет правительству осуществление его проекта. Оно обеспечит создание «единой и сильной администрации, многочисленной полиции»; оно приведет к «значительному увеличению доходов, которые позволят существенно уменьшить городские пошлины, а также расходы по их взиманию». Наконец, «с точки зрения обороны Парижа», эта мера также даст большие выгоды, так как «сделает сообщения с укреплениями более легкими»⁹⁶.

Такими доводами доказывал Деламар необходимость осуществления предложенного им проекта. Осуществлен он был 11 лет спустя, по закону, принятому правительством Второй империи 16 июня 1859 г., когда была уничтожена таможенная стена и в черту города были включены следующие пригороды: Отейль, Батиньоль-Монсо, Бельвиль, Берси, Шаронн, Гренель, Ла-Шапель-Сен-Дени, Ла-Виллет, Монмартр, Пасси, Вожирар.

Однако ожидания правящих кругов, что эта мера затруднит революционные выступления трудящихся в таких населенных пунктах, как Батиньоль, Бельвиль, Ла-Виллет, Монмартр и некоторых других, не оправдались. В 1871 г. эти новые кварталы Парижа, особенно Монмартр и Бельвиль, явились важными опорными базами Коммуны.

* * *

Мы пытались на основании имеющихся в нашем распоряжении архивных и печатных источников осветить события, происходившие в июньские дни 1848 г. в окрестностях и пригородах Парижа под непосредственным воздействием восстания рабочих в самом Париже и жестокой нужды, от которой страдали тогда, в условиях экономического кризиса и массовой безработицы, трудящиеся всей Франции. Мы выяснили, что революционные волнения, охватившие в этот момент значительную часть Парижского района и принявшие особенно серьезный характер на Монмартре, в Ла-Шапель, в Бельвиле, в Иври и в Эссонне, вылились в вооруженные выступления, которые явились довольно существенной поддержкой для восставших рабочих Парижа.

В этих выступлениях трудящиеся окрестностей и пригородов столицы обнаружили боевой дух и революционную решимость, а также известную организованность. Особенно бросается в глаза активная, нередко руководящая роль революционных клубов, объединявших наиболее передовые группы рабочих, служащих, мелких ремесленников, мелких торговцев и демократической интеллигенции.

По своим политическим взглядам деятели этих клубов были далеко неоднородными: наряду с революционными демократами (в документах они фигурируют обычно под названием «якобинцев», «монтаньяров», «барбесистов») здесь были революционные коммунисты (преимущественно сторонники Бланки). Всех их объединяла глубокая преданность республиканскому строю, стремление преградить путь реакции, отстоять и укрепить демократические свободы, завоеванные после свержения монархии, добиться того, чтобы плоды революции достались широким слоям народа, проложить путь к социальным преобразованиям в интересах трудящихся масс и мелких собственников, покончить с «эксплуатацией человека человеком», претворить в жизнь лозунг «Демократической и социальной

---

⁹⁶ Arch. nat. C. 935. Commission d'enquête. VIIIe dossier. 3138. Pétition du C^{es} Delamare tendant à faire limiter Paris aux fortifications. A Messieurs les représentants, composant la Commission d'enquête sur les derniers événements de juin 1848, et à l'Assemblée nationale. A. Delamare, procureur de la République à Rambouillet et propriétaire dans la banlieue de Paris.

республики», т. е. передать власть в руки рабочего класса и поддерживавших его революционных слоев мелкой буржуазии.

Буржуазная историография, стремясь принизить сознательность и организованность рабочего класса Франции того времени, изображает обычно это восстание как чисто стихийный взрыв безработного и голодающего люда, как движение, лишенное всякого руководства и почти совершенно неорганизованное. Даже в таком серьезном исследовании, как монография Сюзанны Вассерман о «Центральном республиканском обществе» и о «Клубе Революции», делается попытка преуменьшить роль клубов в июньском восстании и приводится, без всякой критики, мнение Гарнье-Пажеса (буржуазного республиканца правого крыла, бывшего члена Временного правительства и Исполнительной комиссии), утверждавшего в своей книге «История революции 1848 года», что клубы не принимали никакого участия в этом восстании⁹⁷.

Факты и документы, в частности и те, которые приведены в данной статье, полностью опровергают это утверждение. Напомним, как высоко оценивал роль и значение революционных клубов 1848 г. в освободительной борьбе французского пролетариата Карл Маркс. В своей работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркс называет рабочие клубы этого периода «сборными пунктами революционного пролетариата, ареной его конспиративной деятельности», «коалицией всего рабочего класса против всего буржуазного класса», «организацией особого рабочего государства, направленного против буржуазного государства», «учредительными собраниями пролетариата», «готовыми к бою отрядами армии восстания»⁹⁸.

Однако, недостаточная зрелость рабочего класса Франции, объясняющаяся незавершенностью промышленного переворота в ней к середине XIX в., задерживала преодоление отрицательного влияния мелкобуржуазных демократических и социалистических учений на массы пролетариата. Это сказалось и на деятельности таких его руководящих политических организаций, как клубы. Именно этим, прежде всего, объясняются слабые стороны июньского восстания в Париже и революционных выступлений в его окрестностях и пригородах, объясняются тактические ошибки участников этих событий: слабая организованность восставших, их недостаточно активные наступательные действия, их наивное «прекраснодушие» и неуместная доверчивость к отдельным представителям буржуазной власти, стремление по возможности избежать крутых насильственных мер, без которых в условиях открытой гражданской войны победа была, конечно, невозможна.

Особо следует отметить то неблагоприятное для восставшего пролетариата обстоятельство, что крестьянская масса, обманутая контрреволюционной, антикоммунистической пропагандой, не оказала никакой помощи июньским повстанцам. Зажиточная верхушка сельского населения активно поддержала местные органы власти и приняла непосредственное участие в походе отрядов добровольцев в Париж на помощь армии Кавеньяка. Восставшим пролетариям Парижа и парижского района, а также сочувствовавшим восстанию революционным рабочим ряда населенных пунктов провинции противостоял единый фронт имущих слоев населения города и деревни в масштабе всей страны.

---

⁹⁷ S. Wassermann. Les clubs de Barbès et de Blanqui en 1848. Paris, 1913, p. 217—219.

⁹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 53—54.

Ссылки на материалы к теме

«Весна народов: европейские революции 1848-49 годов»

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#1848

в том числе монографии, научные статьи,
воспоминания современников, публицистика

А.Молок. Июньские дни 1848 года в Париже

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_4.pdf

Ш.Шмидт. Июньские дни 1848 года

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_6.pdf

С.Сказкин, «Сорок восьмой год во Франции (февраль-июнь)

/ Культурно-бытовые очерки по мировой истории

http://narod.ru/disk/21894969000/1848_3.pdf.html

Е.Кожокин. Французские рабочие:

от Великой буржуазной революции до 1848 г.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhoz2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhoz3.pdf>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhoz_lit.doc

Л.Бендрикова. Французская историография революции

1848—1849 гг. во Франции (1848-1968)

http://narod.ru/disk/22330801000/1848_8.pdf.html

Л.Бендрикова. Экономический кризис и рабочее движение

накануне Февральской революции во Франции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-4.pdf

Л.Эритье. История французской революции 1848 г.

и Второй республики

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

М.Айзенштат. Революция 1848 г. во Франции.

История Франции 1-ой половины XIX века

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_7.pdf

Революция 1848 г. во Франции

в восп. участников и современников

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm#more3>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов

Маркса, Энгельса, Ф.Меринга, Бакунина, Гейне, Гервега,

Фрейлиграта и др.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

Ф.Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830—1848 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

А.Иоаннисян. Революция 1848 года во Франции и коммунизм

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm#410334653>